НАУКИ РУССКОГО МИРА

научный журнал

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

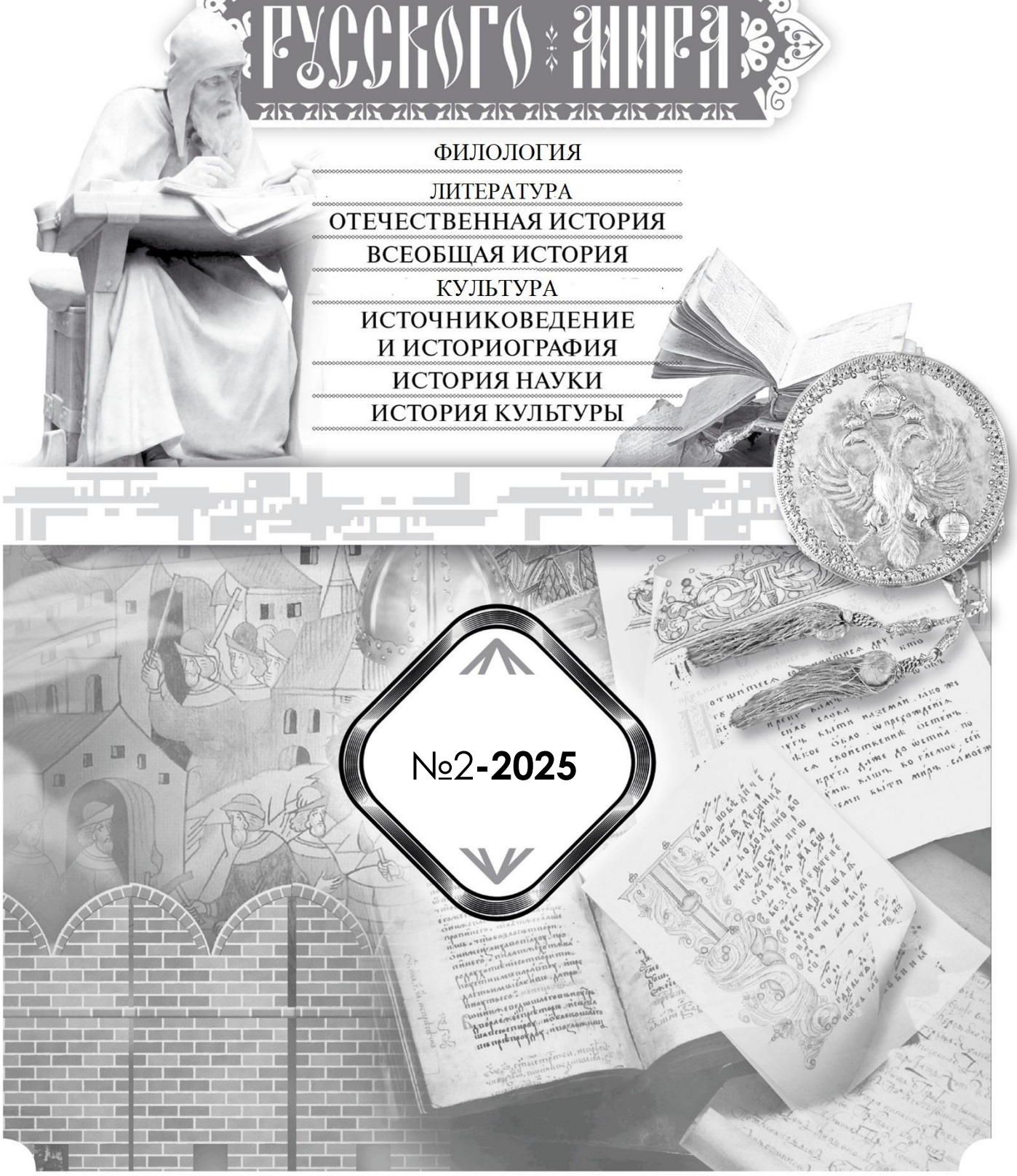
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ



№2-2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: ВОСЕМЬ раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Дударева Марианна Андреевна,
доктор культурологии, доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Professor of the Kosygin Russian State Pedagogical University (Technology. Design. Art)

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical

Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna

Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Pokhilko Alexander Dmitrievich

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich

Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бурцева Елена Анатольевна
ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТА) **13**

Новожилов Дмитрий Михайлович, Кашина Алёна Романовна
ЗВУК И ТИШИНА В ПОЭЗИИ Й. ДУЧИЧА: ИССЛЕДОВАНИЕ АУДИАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ЦИКЛАХ «СЕНКЕ ПО ВОДИ» И «ЛИРИКА» НА ПРИМЕРЕ ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ **25**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Комарова Мария Александровна, Ковалев Александр Иванович
РУССКИЕ НАРЕЧИЯ *ВВЕРХ*, *КВЕРХУ*, *НАВЕРХ*: ЗНАЧЕНИЕ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА НА ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ **30**

Кропта Ольга Александоровна
О СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКЦИОНАЛЬНОГО КОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ **36**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Никифорова Светлана Анатольевна
СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В НЕМЕЦКИХ АНЕКДОТАХ О ВРАЧАХ И ПАЦИЕНТАХ **42**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ларина Татьяна Геннадьевна, Симонов Денис Анатольевич
РЕАЛИЗАЦИЯ ИРОНИИ ЧЕРЕЗ КОННОТАТИВНЫЕ АНТОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р. РОЛЛАНА «COLAS BREUGNON»)» **50**

Луговская Марина Юрьевна
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ **57**

Перепелицына Юлия Ростиславовна, Етко Анна Геннадиевна, Иванова Ольга Яковлевна
ЯЗЫКОВЫЕ ШТАМПЫ И КЛИШЕ В РЕЧИ СОТРУДНИКОВ МВД **64**

Рубанникова Ирина Анатольевна
ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУНАУЧНОГО ДИСКУРСА **71**

ИСТОРИЯ

Хаит Надежда Леонидовна, Исаева Алина Евгеньевна
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ **79**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дударева Марианна Андреевна, Черкашина Елена Леонидовна, Абдуллоев Руслан Нуруллоевич
АРХЕТИПЫ И ФРЕЙМЫ КУЛЬТУРЫ В ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «ТВИН ПИКС»: ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ТОПОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ **87**

*****

CONTENT

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Burtseva Elena Anatolyevna
THE EVOLUTION OF A.S. PUSHKIN'S RELIGIOUS WORLDVIEW (TO RAISE THE QUESTION OF THE POET'S PRAYER LYRICS) **13**

Novozhilov Dmitry Mikhailovich, Kashina Alyona Romanovna
SOUND AND SILENCE IN J. DUCIC'S POETRY: A STUDY OF AUDITORY MOTIFS IN THE CYCLES "SENKA PO VODI" AND "LYRICA" ON THE EXAMPLE OF SELECTED POEMS **25**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Komarova Maria Alexandrovna, Kovalev Alexander Ivanovich
RUSSIAN DIALECTS UP, UP, UP: THE MEANING AND TACTICS OF TRANSLATION INTO GERMAN LANGUAGES **30**

Kropta Olga Alexandrovna
ABOUT THE MEANS OF REPRESENTATION OF THE ACTION CODE IN RUSSIAN **36**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Nikiforova Svetlana Anatolyevna
WAYS TO ACHIEVE A COMIC EFFECT IN GERMAN JOKES ABOUT DOCTORS AND PATIENTS **42**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Larina Tatiana Gennadievna, Simonov Denis Anatolyevich
THE REALIZATION OF IRONY THROUGH CONNOTATIVE ANTONYMS IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE NOVEL BY R. ROLLAND "COLAS BREUGNON")" **50**

Lugovskaya Marina Yurievna
LEXICO-SYNTACTIC OCCASIONALISMS IN THE WORK OF M.I. TSVETAEVA AS PART OF THE MODERN MULTILINGUAL TREND **57**

Perepelitsyna Yulia Rostislavovna, Etko Anna Gennadievna, Ivanova Olga Yakovlevna
LANGUAGE CLICHES AND CLICHES IN THE SPEECH OF INTERIOR MINISTRY EMPLOYEES **643**

Rubannikova Irina Anatolyevna
CHARACTERIZATION OF SUBJECT-OBJECT RELATIONS THROUGH THE PRISM OF SCIENTIFIC DISCOURSE **71**

HISTORY

Khait Nadezhda Leonidovna, Isaeva Alina Evgenievna
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE PERSONALITY PHENOMENON IN HISTORY **798**

CULTURAL STUDIES

Dudareva Marianna Andreevna, Cherkashina Elena Leonidovna, Abdulloev Ruslan Nurulloevich
ARCHETYPES AND FRAMES OF CULTURE IN THE TV SERIES "TWIN PEAKS": THE EXPERIENCE OF DOMESTIC PERCEPTION OF THE TOPOGRAPHY OF THE WORK **87**

*****

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 882

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКЕ ПОЭТА)

Бурцева Елена Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий,
Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
г. Бирск, Россия

Статья посвящена постановке вопроса о религиозном мировоззрении Александра Сергеевича Пушкина и религиозных мотивах в его творчестве. Впервые в отечественном пушкиноведении затронут вопрос о религиозном воспитании в семье поэта, о влиянии психологического состояния его матери на нравственное становление А.С. Пушкина, о формальности религиозного воспитания, которые получили лицеисты. Отдельно обращается внимание на Михайловскую ссылку поэта не с точки зрения традиционного рассмотрения художественных текстов, написанных в этот период, а с точки зрения формирования в этот период религиозных взглядов и перехода от атеизма к глубокой религиозности, что наиболее четко отражено в стихотворении «Пророк», которое анализируется с точки зрения выражения пушкинской концепции понимания своего личного предназначения божественного поэтического дара.

Ключевые слова: поэт, творческий путь, художественный мир, творческая эволюция, религиозные мотивы, религиозное воспитание, поэма, лирика, христианство, лирический герой, биографический автор.

THE EVOLUTION OF A.S. PUSHKIN'S RELIGIOUS WORLDVIEW (TO RAISE THE QUESTION OF THE POET'S PRAYER LYRICS)

Burtseva Elena Anatolyevna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of Philology at the Faculty of Philology and Intercultural Communications
of the Birsky Branch of the Ufa University of Science and Technology
Birsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Ufa University of Science and Technology,
Birsk, Russia

The article is devoted to the question of the religious worldview of Alexander Sergeevich Pushkin and religious motives in his work. For the first time in Russian Pushkin studies, the issue of religious education in the poet's family, the influence of his mother's psychological state on the moral development of Alexander Pushkin, and the formality of religious education received by lyceum students has been raised. Attention is drawn to the poet's Mikhailovsky exile not from the point of view of the traditional consideration of

literary texts written during this period, but from the point of view of the formation of religious views during this period and the transition from atheism to deep religiosity, which is most clearly reflected in the poem "The Prophet", which is analyzed from the point of view of expressing Pushkin's concept of understanding his personal the purpose of the divine poetic gift.

Keywords: poet, creative path, artistic world, creative evolution, religious motives, religious education, poem, lyrics, Christianity, lyrical hero, biographical author.

*****

В советском пушкиноведении не принято было говорить о религиозности великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Более того, он прочно был вписан в сонм поэтов-богоборцев и революционеров, яростных борцов с монархией. Пушкинские тексты печатались без графического выделения слов, относящихся к христианскому культу, кроме, конечно, имен собственных, но «ангел», «бог», «серафим» и другие – были обычными словами, по мысли издателей, метафорически выражающими ту или иную поэтическую мысль. В перечислении лирических текстов А.С. Пушкина нет ни одной молитвы, потому что молитвенной лирики, по мнению советских исследователей его творчества, поэт не писал. И даже такое рубежное стихотворение как «Пророк» 1826 года интерпретировалось только как результат знакомства поэта с библейскими и кораническими текстами с целью расширить свои познания, но никак не отражение религиозности поэта, прошедшего мучительный эволюционный путь от атеизма к вере.

Но то, что этот путь А.С Пушкин прошел, становится очевидным, если за основу изучения художественного мира поэта не брать идеологию марксизма-ленинизма и не пытаться вписать творчество А.С. Пушкина в узкие рамки вульгарного социологизма.

Рассматривать творческий и духовный путь поэта необходимо с учетом его биографии, в которой прослеживаются три важных жизненно-поэтических этапа, связанных с вопросом его религиозности. Первый отражает историю появления антирелигиозной поэмы «Гаврилиада», авторство которой молодой А.С. Пушкин упорно и долго опровергал. Второй – создание в 1826 году стихотворения «Пророк». И третий – связан с написанием летом 1836 года цикла стихотворений, вошедших в историю русской литературы как «каменоостровский цикл».

Рассмотрим эти три этапа, чтобы проследить, какой духовно-нравственный путь прошел поэт и каким образом состоялось (и состоялось ли) его воцерковление.

Считается, что В.А. Жуковский искусственно подчеркивал верноподданное послушание умирающего поэта, который выполнил желание царя, выраженное в записке «умереть по-христиански» [1, с. 398] только для того, чтобы смягчить отношение Николая I к умершему после дуэльного поединка поэту, который давал обещание царю не драться ни при каких обстоятельствах. А.С. Пушкин нарушил обещание, но для «друзей Пушкина» было необходимо, чтобы император оказал поддержку семье убитого, поэтому они, якобы, всячески выставляли его в глазах царя верноподданным христианином. А ели он и был верноподданным христианином и «друзья Пушкина» писали правду?

Рассмотрение истории создания антирелигиозной поэмы «Гаврилиада» необходимо начать с решения вопроса о том, получил ли поэт в пору детства религиозное воспитание.

О детских годах поэта его биографы пишут в основном в единой манере, подчеркивая беспечность и легкомысленность родителей и брошенность на попечение иностранным гувернерам детей в семье Пушкиных. Вот, например, характеристика детских лет поэта, которую дает исследователь жизни и творчества пушкиновед С.М. Петров: «Родители Пушкина принадлежали к высшему кругу московского дворянского общества. Воспитанный в духе поверхностного вольтерьянства, С.Л. Пушкин был образованным, но беспечным и легкомысленным

человеком, больше всего не любившим хозяйственных и бытовых забот. Его жена также предпочитала всему другому развлечения. Занятые светской жизнью, родители Пушкина уделяли мало внимания детям, из которых совершеннолетнего возраста достигли трое: старшая дочь Ольга, Александр и младший сын Лев. Воспитанием детей занимались часто менявшиеся гувернеры-иноземцы, преимущественно французы, оставившие у Пушкина неприятные воспоминания…» [2, с. 7].

Откуда такой взгляд берет свое начало? Вполне возможно, что свою роль сыграл незаконченный роман-реконструкция Юрия Тынянова «Пушкин», первую часть которого он опубликовал еще в 1935 году. В романе Тынянова невнимание и даже нелюбовь родителей, конфликтные отношения поэта с матерью становятся почти главными аспектами в описании детства А. С. Пушкина. Ни о каком религиозном воспитании там нет и речи: «Единственно крепкою верою в доме Пушкиных была вера в приметы и гаданья» [3, с. 32]. Колоритно и атмосферно в романе описана быт семьи, в которой литературные знакомства стали малой частью безалаберного светского времяпровождения, заполненного беспокойством о уменьшающихся доходах и сплетнями.

Еще более резкую характеристику семьи родителей поэта мы можем прочесть, например, на православном сайте «Покров» в статье, посвященной 220-летию поэта. Вот как там пишут о его матери – Надежде Осиповне Пушкиной: «Надежда Осиповна питала отвращение ко всякому труду и совершенно запустила свое домашнее хозяйство. Была она вспыльчива, властна и взбалмошна. Муж находился у нее под башмаком. Из оставшихся в живых у нее было трое детей: дочь Ольга, старше Александра на три года, Александр, будущий поэт, которых она не любила, а младшего сына Льва обожала» [4].

Но так ли все было на самом деле? Что не учитывают биографы А.С. Пушкина, рассказывая о его детстве?

Еще раз обратим внимание на характеристику матери поэта – Надежды Осиповны. Она описывается, как уже было указано ранее, как женщина легкомысленная, капризная, совершенно не любившая своего сына Александра. Но биографы только вскользь упоминая один важный момент, не придают ему никакого значения, а именно: в семье Пушкиных было трое детей, доживших до совершеннолетия: дочь Ольга, сын Александр и еще один сын Лев. То есть детей родилось больше, выжили во младенчестве и дожили до зрелости только трое из них.

Что собою представляла жизнь замужней женщины в XIX веке? В отсутствии контрацепции, это сплошная череда беременностей и родов. Женщины в ту эпоху рожали ежегодно. Но детская смертность была катастрофической, более 40% детей умирали, не доживая до 5 лет. Надежда Осиповна не была исключением – она также, как и все замужние дворянки того времени рожала почти ежегодно. Но и почти ежегодно она теряла своих детей. Ни один из пушкинских биографов не учитывает фактора ее женской судьбы, когда Надежда Осиповна не просто «легкомысленно капризничала», но почти постоянно находилась в состоянии послеродовой депрессии. Внимание медиков к этому состоянию возник только в XX веке. Получается, что состояние послеродовой депрессии было, его переживали в прошлом точно так же, как и современные женщины. Но понимания проблемы и медицинского термина, как и описания этой проблемы не существовало. Вот как определяет послеродовую депрессию современная медицина: «Депрессия – сочетание тоскливого настроения со снижением психической и физической активности. Развитию послеродовой депрессии способствуют физиологические особенности послеродового периода: быстрое снижение уровня женских половых гормонов и гормонов щитовидной железы, падение объема циркулирующей крови, изменения метаболизма. Существуют также объективные причины послеродовой депрессии: акушерско-гинекологическая и эндокринная патология, болевые ощущения в родах, их стрессовое восприятие, кесарево сечение, послеродовые осложнения, проблемы при грудном вскармливании, хроническое недосыпание, изменения внешности и сексуальных отношений, отсутствие поддержки и финансовая зависимость от семьи, нарушение карьеры». Далее в статье приводятся

характерные для послеродовой депрессии признаки, описывается поведение женщины, страдающей этим недугом: «Особенности проявления послеродовой депрессии – снижение интереса женщины к детям, мужу, родителям, друзьям. Она плохо выполняет домашние обязанности, не следит за собой. Клинической картине свойственны явления негативной аффективности в виде апатии, психической анестезии, направленные прежде всего на близкое окружение. Женщина испытывает мучительное для нее чувство отчуждения от мужа и родственников, неспособность любить желанного ранее ребенка, избегает общения. В силу снижения либидо исчезает сексуальная гармония между супругами. Все это отрицательно сказывается на семейных взаимоотношениях. Новорожденный наиболее страдает от нарушения взаимодействия с матерью. Она начинает относиться к ребенку безучастно, безэмоционально или, наоборот, испытывает раздражение от необходимости ухода за новорожденным, что обусловлено классической депрессивной триадой. Дети матерей, страдающих послеродовой депрессией, хуже прибавляют в весе в связи с нарушением вскармливания, чаще и тяжелее болеют. Иногда присоединяются суицидные мысли и/или страх нанести повреждения младенцу…» [5, с.4-5]. Очень узнаваемые симптомы. Но если в медицинской литературе нашего времени такое поведение женщины описывается с сочувствием, как клинические симптомы серьезного заболевания, то в биографической литературе о А.С. Пушкине похожее поведение матери поэта стало практически обвинительным приговором: Надежду Осиповну признано считать плохой матерью не любящей своего гениального сына.

Но так ли холодна и безразлична была Надежда Осиповна к Александру, и так ли глубоки были между ними противоречия?

Ответ на этот вопрос мы можем найти в многочисленных ходатайствах, которые напишет Надежда Осиповна властям, в период ссылки поэта в родовое имение Михайловское в 1824 году. Она пыталась не только облегчить участь ссыльного сына, но и отстоять его честь как человека, не заслужившего немилости властей. Конечно, обстановка в родительском доме, после прибытия ссыльного поэта, была очень непростой. Нельзя забывать о том, что А.С. Пушкин в 11-летнем возрасте покинул родительский дом, отправленный учиться в Царскосельский Лицей и после окончания обучения поэт стал жить самостоятельно. Спустя почти четырнадцать лет он вновь оказался под одною крышей с родителями, которые были крайне обеспокоены тем сомнительным положением, в котором оказался их старший сын. Ссора с отцом, произошедшая в имении, была безобразной, и сам поэт, и его отец подробно рассказывали о ней В.А. Жуковскому. Основной причиной ссоры стало то, что отец поэта Сергей Львович, решил взять на себя надзор за своим сыном, чем крайне оскорбил его. Поэт посчитал, что отец собирается выполнять по отношению к нему функции полицейского надзирателя. Молодость и горячность не позволили поэту понять, что соглашаясь на «надзор» за сыном, отец тем самым пытался избавить и его, и домочадцев от постороннего вмешательства в дела семьи со стороны полицейской власти. В конце мая – начале июня 1825 года Надежда Осиповна пишет обращение к императору Александру I, пытаясь помочь сыну избавиться от тягостного положения ссыльного: «Государь, со всей тревогой уязвленного материнского сердца осмеливаюсь припасть с мольбой к стопам вашего императорского величества о благодеянии для моего сына. Моя материнская нежность, встревоженная его болезненным состоянием, позволяет мне надеяться, что ваше величество соблаговолит простить меня за то, что я утруждаю его просьбой о благодеянии. Государь, вопрос идет об его жизни. Мой сын страдает уже около 10 лет аневризмом ноги. Вначале он слишком мало обращал внимания на эту болезнь, и теперь она угрожает его жизни каждую минуту, в особенности потому, что он живет в Псковской губернии, в месте, где совершенно отсутствует врачебная помощь. Государь, не отнимайте у матери предмета ее нежной любви! Благоволите разрешить моему сыну поехать в Ригу или в какой-нибудь другой город, какой угодно будет вашему величеству приказать, чтобы подвергнуться операции, которая одна дает мне еще надежду сохранить его. Смею уверить, что поведение его там будет

безупречно. Милосердие вашего величества – вернейшее в этом ручательство, какое я могу предложить». Высочайшее соизволение было получено – поэту было разрешено приехать в Псков на лечение. Но такой исход дела не устроил поэта. И Надежда Осиповна пишет еще одно прошение: «Несчастная мать, проникнутая добротой и милосердием вашего величества, решается еще раз повергнуть к стопам своего августейшего монарха покорнейшую просьбу. По сведениям, которым боюсь и верить, болезнь моего сына идет быстрыми шагами. Псковские доктора отказались сделать необходимую для него операцию, и он вернулся в деревню, где находится без всякой помощи в безвыходном положении. Благоволите, государь, разрешить ему переехать в другое место, где он смог бы найти более знающего врача. Соблаговолите простить мать, трепещущую за жизнь своего сына, за то, что она осмелилась во второй раз молить вас об этой милости вашего милосердия. Несчастная мать несет вам свое горе как отцу своих подданных. Только от государя может она надеяться на все; только от его доброты ждет она окончания своим опасениям и мукам». Прошения Надежды Осиповны процитированы по работе М.А. Цявловского 1916 года. В своей работе исследователь далее пишет: «Уверять в своей нежной любви к сыну и в страхе за его жизнь, чего на самом деле не было, Надежда Осиповна, конечно, могла…» [6, с. 140-142]. Но на каком основании выражено недоверие к чувству матери? Предвзятость исследователя здесь очевидна.

Таким образом, можно констатировать, что в пушкиноведении отношение к матери поэта как к женщине, которая не любила, не понимала и не заботилось о своем сыне не только не ослабло, а более того – усилилось, о чем свидетельствуют заголовки многочисленных статей, посвященных поэту. Не берется во внимание и тот факт, что умирала Надежда Осиповна после продолжительной болезни в Петербурге, и поэт часто навещал свою мать в период ее болезни. И именно он будет заниматься ее похоронами. И что еще важнее – события, связанные с ее болезнью и смертью лягут в основу «пасхального цикла» стихотворений, написанных летом 1836 года, который традиционно называют «каменноостровским циклом» – по месту его создания, хотя, конечно же, правильнее называть этот цикл именно «пасхальным» по отражению в нем событий «страстной недели».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что домашнего религиозного воспитания А.С. Пушкин не получил, в том числе и потому, что его мать была не в состоянии заниматься духовным развитием своих детей по вполне объяснимым объективным причинам. Но в этом не вина, а скорее всего, беда Надежды Осиповны, как женщины XIX века.

Учеба в Царскосельском Лицее не приблизила юного поэта к религии, хотя официально руководство Лицея было обязано давать воспитанникам образование, основанное на «истинно христианском благочестии» [7, с.67]. Не случайно в свидетельстве, выданном поэту по окончанию Лицея, значилось: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея Александр Пушкин в течении шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в законе божием…» [7, с. 134]. Но это было лишь формальным указанием на «благочестие» выпускника. Более правдиво задачи, стоящие перед воспитанием лицеистов были отражены в записке генерал-адъютанта Н.И. Демидова, написанной им через несколько лет после окончания А.С. Пушкиным Лицея, но отражающую общую тенденцию, общее направления лицейского образования и воспитания: Н.И. Демидов предписывает руководству Лицея следить за тем, чтобы воспитанники приучались «к откровенности, ласковости, вежливости, и всему тому, что может их сделать любезными и достойными внимания высшего начальства… внушать воспитанникам умение титуловать чиновных особ по их чинам и достоинствам на том основании, что вежливость и знание приличий есть первый признак образованности» [7, с. 160-161].

Стоит ли удивляться тому, что юный А.С. Пушкин был далек от христианства, совершая православные обряды не по велению души, а формально, потому что так было принято – посещать церковь, исповедоваться, причащаться, отмечать Пасху и Рождество Христово.

Мы не знаем, каким образом и почему поэт написал антирелигиозную поэму «Гаврилиада». В пушкиноведении нет дискуссий по поводу того, является ли А.С Пушкин автором этой поэмы. Считается, что поэт лично в письме к императору признался в авторстве «Гаврилиады», хотя текст этого письма исследователям неизвестен. Принято считать, что поэма была написана двадцатиоднолетним поэтом весной 1821 года [8, с.282]. Не скоро, но поэма, разошедшаяся в списках, вызвала реакцию властей: в 1828 году было начато расследование с целью выявить автора поэмы и наказать за столь кощунственное переложение библейского сюжета. Скорее всего на А.С. Пушкина донесли и именно поэтому подозрение пало на него. Поэт долго отказывался признавать поэму своим сочинением, но, как считают пушкиноведы, сделал это под давлением царя. Интересно замечание В. Брюсова, который в 1918 году первый изучил и опубликовал поэму уже в советской печати после снятия с нее цензурного запрета (впервые поэма была опубликована в 1861 году в Лондоне Н. Огоревым в сборнике «Потаенная литература XIX века»). В предисловии В. Брюсов писал: «Закрыть на нее глаза, значит сознательно отбросить важный этап в творчестве великого поэта. Сам Пушкин позднее, как говорят, отрекался от «Гавриилиады», не терпел даже упоминания в своем присутствии об этой поэме. Но, во-первых, такие свидетельства еще требуют проверки, а во-вторых, поэт, создавший художественное произведение, как бы теряет свои права над ним: оно принадлежит уже всему человечеству…» [8, с.287]. Историк и теоретик литературы Б. Томашевский, по поводу публикации В. Брюсовым поэмы писал: «Гаврилиада» понаслышке известна всем, но немногие читали ее. Хотя за ней установилась репутация порнографической поэмы, но именно любители этого подпольного жанра... ни стиха не знают из нее. Это потому, что на самом деле в ней нет порнографии, а есть эротика и так называемый кощунственный элемент, т. е. сатира в области религиозной. Образцы ее Пушкин заимствовал во Франции, именно в поэме «Война богов» Эвариста Парни, написанной при директории и поныне популярной и распространенной в дешевых изданиях во Франции, несмотря на то что и эротический и кощунственный элементы в ней гораздо сильнее, чем в «Гавриилиад». Но свобода, никого не смущающая во Франции («Война богов» продается за десять сантимов), до сих пор не по плечу русскому, привыкшему к наставительной опеке начальства…» [9]. Интересное замечание высказал в 1917 году В. Ходасевич по поводу этой поэмы: «О «Гаврилиаде» писали неизмеримо меньше, чем о других созданиях Пушкина. Поэма еще только ждет всестороннего и пристального рассмотрения; и думается, что некогда образ Марии займет место в ряду идеальных женских образов Пушкина. Сквозь все непристойные и соблазнительные события, которые разыгрываются вкруг нее и в которых сама она принимает участие, Мария проходит незапятнанно чистой. Такова была степень богомольного благоговения Пушкина перед святыней красоты, что в поэме сквозь самый грех сияет Мария невинностью. Конечно, фабула «Гаврилиады» – не для детей и не для девушек. Но для всякого взгляда, который уже умеет проникнуть немного глубже фабулы, – все непристойности поэмы очищаются ясным пламенем красоты, в ней разлитым почти равномерно от первой строки до последней. Описывая «прелести греха», таким сияюще чистым умел оставаться лишь Пушкин. Перефразируя его самого, хочется сказать: счастлив тот, кто в самом грехе и зле мог обретать и ведать эту чистую красоту» [10, с. 75-76]. Отдавая должное таланту автора поэмы, тем не менее, все исследователи отмечают ее «непристойный» характер. «Сатиру в области религиозной» мог себе позволить только неверующий человек, каковым А.С. Пушкин в 1821 году, в год написания поэмы, и был.

Как отмечалось ранее, в 1828 году, когда началось следствие по поводу этой поэмы, А.С. Пушкин категорически отрицал свое авторство. Думается, не только по причине боязни наказания, хотя, самое большее, что ему грозило – это церковное покаяние. Были и другие причины. И главная – эволюция мировоззрения, которую пережил поэт.

Каким образом и когда именно происходила эта эволюция мы не знаем. Можно только констатировать факт того, что в 1824 году в ссылку в родовое имение

Михайловское приехал поэт-романтик с атеистическими взглядами, но летом 1826 года деревню покинул глубоко верующий поэт действительности.

В пушкиноведении совершенно не обращается внимание еще на один важный момент: в Михайловское А.С. Пушкин был сослан за атеизм, поэтому кроме того, что за ним был установлен полицейский надзор (для снятия которого Сергей Львович и пообещал властям, что сам будет следить за своим сыном, чем вызвал гнев поэта, который обвинил отца в том, что тот берет на себя роль его тюремщика), надзор был установлен еще и духовный, который исполнял настоятеля Святогорского Успенского мужского монастыря Игумен Ион.

В литературе о А.С. Пушкине почти нет упоминаний о встречах священника со своим подопечным, просто упоминается сам факт духовного надзора. С плохо скрываемой иронией об этом пишет декабрист Михаил Пущин, один из самых близких друзей поэта с лицейских времен, посетивших поэта в ссылке зимой 1825 года: «Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума»; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкой кофе, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые, впрочем, потом частию явились в печати. Среди этого чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошел под благословение. Пушкин – тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видал. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде и что монах хитрит. Хотя посещение его было вовсе некстати, но я все-таки хотел faire bonne mine à mauvais jeu * и старался уверить его в противном: объяснил ему, что я – Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина, а что генерал Пущин, его знакомый, командует бригадой в Кишиневе, где я в 1820 году с ним встречался. Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу. Я рад был, что мы избавились этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!» Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение…» [11, 95-96].

Несмотря на явный скепсис автора по отношению к «низенькому, рыжеватому монаху», тем не менее, Пущин не может не отметить, что поэт «смутился», «присмирел», а сам «монах» вел себя по отношению в А.С. Пушкину и его гостю крайне уважительно: «извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу». Настоятель монастыря имел, конечно же, монашенский сан, но он не был рядовым монахом, как пренебрежительно назвал его Пущин. А вслед за ним и И. Новиков в романе «Пушкин в Михайловском», который описывая своевольный отъезд поэта из деревни в Петербург отмечает среди факторов, заставивших А.С. Пушкина вернуться – «плохие приметы» первая из которых – встреченный на пути «монах».

Вот так пренебрежительно советское пушкиноведении описывало моменты биографии А.С. Пушкина, когда, вполне возможно, он переживал важнейшую мировоззренческую эволюцию, о которой мы практически ничего не знаем только по причине «неуместности» этих моментов в биографии поэта, признанного культовым и советской властью тоже. Эпохи меняются, место А.С. Пушкина как первого поэта в русской литературе остается неизменным, но и неизменным, к сожалению, остается и отношение к поэту, как к поэту атеистического мировоззрения. Такой

подход, конечно же, нужно менять. И начать это изменение необходимо с изучения личности настоятеля Святогорского Успенского мужского монастыря Игумена Иона и его влияния на мировоззрение поэта.

Стоит отметить и тот факт, что А.С. Пушкин под руководством настоятеля монастыря читает Четью-Минею – собрание жития святых, систематизированное по дням празднования их памяти. Изучение религиозных текстов дает А.С. Пушкину возможность более глубоко осмыслить свою собственную миссию в литературе.

Тема поэта и поэзии была центральной в творчестве А.С. Пушкина, который далеко не случайно впервые заявил о себе опубликовав стихотворение именно на эту тему: в 1814 году в журнале «Вестник Европы» четырнадцатилетний поэт публикует программного стихотворение «К другу стихотворцу», в котором Ариста, приятеля лирического героя, возомнившего себя поэтом, предупреждает о горькой участи поэтов:

…Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле продан он:
Их жизнь – ряд горестей, гремяща слава – сон. [12, с.19]

В этом стихотворении не может не обратить на себя внимание и образ пожилого сельского священника:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, – сказали простяки, –
Настави грешных нас – ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
– «Послушайте, – сказал священник мужикам, –
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне – не подражайте» [12, с.19].

Юному четырнадцатилетнему поэту, видимо, казалось крайне остроумным использовать подобный метафорический образ для выражения своих мыслей, что лишний раз свидетельствует о поверхностном, чисто формальном религиозном воспитании, которое он получил в семье и Лицее.

Но о том, что творчество – это не просто дело жизни, а божественная миссия – поэт впервые с абсолютной убежденностью напишет именно после знакомства с настоятелем мужского монастыря Игуменом Ионом.

В сентябре 1826 года император Николай I, после венчания на царство в древней столице империи, вызовет в Москву ссыльного А.С. Пушкина, с которым у него произойдет долгий и достаточно откровенный разговор, результатом которого станет и окончание ссылки, и призвание поэта на службу новому государю. Для А.С. Пушкина такой поворот событий – от оппозиции к власти до служения этой власти – будет мучительным выбором дальнейшего жизненного пути. Летом 1826 года казнены руководители декабрьского восстания на Сенатской площади в Петербурге, на каторге ближайшие для поэта люди – товарищи по лицею – Иван Пущин и Вильгельм Кюхельбекер. А он обласкан новой властью и возвращен в столицы. И именно в этот период А.С. Пушкин пишет стихотворение «Пророк», которое свидетельствует о том

жизненном и творческом выборе, который ему приходится делать, том преображении, которое приходится пережить.

ПРОРОК
Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешной мой язык,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [12, с.385].

Отдельно нужно сказать об интертекстуальности этого поэтического текста. Многие исследователи отмечают тематическую соотнесенность пушкинского стихотворения с шестой главой Книги Пророка Исаия. Эта глава привлекла внимание не одного А.С. Пушкина. В 1822 году написал и опубликовал в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» стихотворение «Призвание Исайи» будущий декабрист поэт Федор Глинка, творчество которого А.С. Пушкин ценил. Но поэтическое переложение религиозных текстов было традиционным для русской поэзии конца XVIII начала XIX вв. [13]. Следует ли А.С. Пушкин поэтической традиции или же проходит свой собственный путь постижения высокой истины? Однозначно на этот вопрос ответить сложно. Элемент следования литературной традиции нельзя отрицать. Но то, что поэт идет своим собственным путем в этом вопросе – несомненно. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить все вышеперечисленные тексты – шестую главу Книги Пророка Исаия, «Призвание Исайи» Ф. Глинки и пушкинское стихотворение «Пророк».

Вчитаемся в строки Книги Пророка и попробуем понять, что именно привлекло внимание поэта, помимо свидетельства о избранничестве Исайи для роли Пророка:

«1 В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм.

2 Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

3 И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!

4 И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями.

5 И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

6 Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника,

7 и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

8 И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

9 И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите.

10, ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.

11 И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет.

12 И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле.

13 И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее» [14, 684].

О чем рассказывают нам эти строки? Прежде всего – о преобразовании человека, который по воле Господа очищается от греха и наделяется особой миссией – идти в народ и говорить с ним. Самым важным в этой главе является то, что Господь посылает Исайю пророчествовать о том, что «слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их», то есть народ не способен услышать Бога и жить по его заветам. Поэтому пророчество Исайи будет пророчеством о том, что «опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле». Но в заключении пророчества «как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее» дается надежда на то, что новые поколения людей как новые ростки, выросшие на корнях тысячелетнего дерева, будут другими. «…святое семя будет корнем ее» – это отсылка на то, что Господь создавал человека по своему образу и подобию и поэтому, избавившись от всего грешного, человечество должно начать все с самого начала.

Если допустить, что А.С. Пушкин в написании своего стихотворения «Пророк» опирался именно на шестую главу Книги Пророка Исайя, то нужно признать, что его стихотворение – это не переложение, а переосмысление библейского сюжета. И самой главной мыслью этого стихотворения становится то, что поэт наделяется той же пророческой силой, что и библейские пророки. Но миссия поэта – не пророчествовать о гибели человечества, а доносить слово Божие, чтобы «огрубевшее сердце народа сего» изменилось, чтобы народ «слухом услышал», «очами увидел» и в конце концов «уразумел» ту самую Божественную истину. О чем она? Пройдет ровно десять лет и летом 1837 года, подводя итоги своего земного бытия, поэт скажет об этом в «Памятнике».

Построчный текстологический анализ пушкинского стихотворения «Пророк» открывает перед нами глубоко личное переживание поэта. Стихотворение представляет собою монолог лирического героя. Оно не строфично, что свидетельствует о цельности и неразрывности мысли, выраженном в нем. И даже

«Бога глас» не вынесен в отдельную строфу. Тем не менее, внутри единой цельной строфы выделяется несколько логических центра:

первые два стиха: «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился,…». Высокая лексика стихотворения свидетельствует о высокой теме – стихотворение написано на главную пушкинскую тему – поэта и поэзии. Еще точнее – тему предназначения поэта. Но лирический герой стихотворения, а в нем, без всякого сомнения нужно видеть прежде всего биографического автора, в одиночестве («пустыня» здесь не столько географическая, сколько метафора психологического одиночества поэта) переживает трудное время. Отсюда «духовная жажда», «пустыня мрачная», «влачился».

второй логический центр – это довольно большой фрагмент текста, в котором появляется Серафим, который последовательно меняет будущего Пророка; интересно, что Серафим является лирическому герою на «перепутье» – то есть в тот момент, когда лирический герой стоит перед выбором дальнейшего жизненного пути. И вновь здесь нельзя не вспомнить факты биографии поэта, о которых уже было сказано выше.

И шестикрылой Серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешной мой язык,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Если в Книге Пророка Исайя Серафим только одним касанием уст «горящим углем, который он взял клещами с жертвенника», очистил Пророка от греха и беззакония, то у А.С. Пушкина преображение поэта-пророка – это долгий и мучительный процесс: «перстами» Серафим коснулся «зениц», которые «отверзлись вещие» – то есть поэт-пророк был наделен зрением, которое позволяет ему увидеть будущее; Серафим коснулся ушей поэта-пророка и это стало удивительным, постепенным преображением слуха, когда сначала мир наполнился какофонией «шума и звона», но затем поэт-пророк услышал все, что происходить и в небе, и на земле и даже под нею «И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полёт, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»; образ Серафима предстает в стихотворении как образ Ангела-воителя с «десницею кровавой», потому что преображение, которому подвергнут поэт-пророк по-настоящему мучительно: из уст вырван «грешный» язык (как тут не вспомнить «Гаврилиаду») и «жало мудрое змеи» вложил, наделив тем самым правом и способностью «жалить» мир людей горькими истинами; заключительным этапом этого преображение стало замена человеческого «трепетного сердца» на «угль, пылающий огнем» – эта замена

символизирует собою то, что поэт-пророк не имеет право выборочно отвечать людским чаяниям, сердце-угль – наделение способностью «гореть» всегда и по отношению ко всем.

заключительный, третий логический центр стихотворения – обращение к поэту-пророку «Бога глас ко мне воззвал», в котором лирический герой наделяется той самой божественной миссией – нести слово Божие в мир людей.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что к лету 1826 года завершается мировоззренческая эволюция поэта, который переосмыслил свой жизненный путь не только как путь художника слова, который выполняет эстетические задачи, стоящие перед человеком искусства, но и как путь поэта, наделенного божественной миссией служения миру людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эйдельман Н. Пушкин: из биографии и творчества 1826-1837. – М., 1987. – 462 с.
2. Петров С.М. А.С. Пушкин: Очерк жизни и творчества. – М. 1973. – 350 с.
3. Тынянов Ю. Н. Пушкин. – М., 2024. – 363 с.
4. Родословие и детство Александра Сергеевича Пушкина. [Электронный ресурс] https://pokrov.pro/rodoslovie-i-detstvo-aleksandra-serg/ (дата обращения: 08.02.2025).
5. Аргунова И. А. Послеродовая депрессия. На стыке общей врачебной практики, акушерства и психиатрии // Российский семейный врач. 2010. №1. – С. 4-11.
6. Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 131-156.
7. Руденская М., Руденская С. «Наставникм… за благо воздадим». – Л., 1986. – 302 с.
8. Алексеев М. П. Заметки о «Гавриилиаде» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 281—325.
9. Томашевский Б.Т. Почтово-телеграфный журнал, 1918, № 5-6-7-8 (май). – С. 250-253.
10. Ходасевич В. Собр.соч.: В 4 т. – Т.2. – М., 1994. – 476.с.
11. Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. – 3-е изд., доп. – СПб.: Академический проект, 1998. – Т. 1-2. – Т. 1. – 1998. – С. 60—100.
12. Пушкин А.С. Собр соч: В 3 т. – Т. 1. – М., 1985. – 735 с.
13. Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х годов // Проблемы исторической поэтики. 2001. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/parafrazy-psalmov-v-russkoy-poezii-1820-h-godov (дата обращения: 16.03.2025).
14. Библия. – Москва, 2005. – 925 с.

УДК 82-143

ЗВУК И ТИШИНА В ПОЭЗИИ Й. ДУЧИЧА: ИССЛЕДОВАНИЕ АУДИАЛЬНЫХ МОТИВОВ В ЦИКЛАХ «СЕНКЕ ПО ВОДИ» И «ЛИРИКА» НА ПРИМЕРЕ ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Новожилов Дмитрий Михайлович
Кандидат филол. наук,
РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
SPIN-код 7995-9248

Кашина Алёна Романовна
Студент Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Исследование звукового пейзажа в поэтическом пространстве Йована Дучича представляет собой важную задачу, поскольку позволяет глубже понять эволюцию символистской эстетики в сербской литературе. Звуковые образы играют ключевую роль в его творчестве, проходя путь от декадентского мироощущения и мортальной символики в ранних произведениях до сакральных смыслов и экзистенциальных поисков в поздней лирике. Анализ этих изменений позволяет изучить символистскую поэтики и раскрыть влияние звука и тишины на формирование философских концептов в поэзии Й. Дучича.

Ключевые слова: сербский символизм, декаданс, звуковой пейзаж, звук и тишина, аудиальные мотивы, моральная символика, пейзажная лирика, философская лирика.

SOUND AND SILENCE IN THE POETRY OF J. DUČIĆ: A STUDY OF AUDITORY MOTIVES IN THE CYCLES «SHADOWS ON THE WATER» AND «LYRICS» BASED ON SELECTED POEMS

Dmitry Mikhailovich Novozhilov
PhD in Philology, Associate Professor, Department of General and Slavic Philology,
Kosygin Russian State University (Moscow)

Kashina Alena Romanovna
Kosygin Russian State University (Moscow)

The study of the soundscape in the poetic space of Jovan Dučić is a significant task, as it provides deeper insight into the evolution of Symbolist aesthetics in Serbian literature. Sound images play a key role in his work, transitioning from a Decadent worldview and mortal symbolism in his early poems to sacred meanings and existential inquiries in his later lyrics. Analyzing these changes allows for a deeper understanding of Symbolist poetics and reveals the influence of sound and silence on the formation of philosophical concepts in Dučić's poetry.

Keywords: Serbian Symbolism, Decadence, soundscape, sound and silence, auditory motifs, mortal symbolism, landscape lyrics, philosophical lyrics.

*****

Йован Дучич (1874–1943 гг.) – представитель эпохи Fin de siècle и сербского символизма [1, С. 35–47]. Он обогатил содержание пейзажной лирики, придав ей особую психологичность и ассоциативность. Подобный эффект поэту удалось достичь во многом благодаря талантливому обращению к звуковому пейзажу (le paysage sonore, Р. М. Шафер, 1977), который становится ключом к пониманию поэтики двух его циклов: «Сенке по води» («Тени на воде», 1900–1901) и «Лирика» (1943). Важно отметить, что первый из них стал дебютным для автора, тогда как второй – заключительным. В связи с этим цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить эволюцию звукового пейзажа в поэтическом пространстве Й. Дучича.

Разумеется, славянские символисты, в том числе Й. Дучич, были прекрасно знакомы с творчеством символистов европейских, и прежде всего, французских, которые, во многом и сформулировали характерный для Fin de siècle культурный ландшафт. Особенности этого периода, такие, как обострение социальной напряженности, технические инновации, женская эмансипация, урбанизация и т.п. указаны в работе группы немецких авторов под редакцией Иоганеса Панкау «Fin de siècle: эпоха, авторы, произведения». [2, С. 6] Что же касается непосредственно Франции, то подробно историю этой эпохи рассматривает Ойген Вебер в работе «Рубеж веков: Франция в конце 19 века» [3].

Как отмечает Ю. Юсип-Якимович, именно эта категория стала «одной из доминант у славянских-поэтов символистов» [4, С. 148]. Их мироощущение представляет собой модель, в которой главенствуют слуховые впечатления. Звукопись, ономатопея, ассонансы, аллитерации и внутренние рифмы воспроизводят звуковой пейзаж окружающей среды и, в сущности, образуют акустическую картину мира, являющуюся фрагментом языковой, выраженной этими фонетическими средствами.

Особую роль наряду со звуковыми образами играет их значимое отсутствие, воплощённое в фигуре тишины. Причем ряд исследователей (М. Логинова, О. Прокаева и др.) в след за М. М. Бахтиным призывают различать тишину и молчание: «Тишина и молчание (отсутствие слова) <…> Нарушение тишины звуком механистично и физиологично (как условие восприятия); нарушение же молчания словом персоналистично и осмысленно: это совсем другой мир» [5, С. 15]. Поскольку поэтическое пространство Й. Дучича, как правило, неперсоналистично и опирается на природные реалии, в этой работе в качестве антитезы звуку была выбрана именно тишина.

В то же время эта категория, в отличие от молчания, открывает более широкий простор для интерпретаций, что в первую очередь связано с её амбивалентной сущностью: «с одной стороны, она является характеристикой самого бытия, с другой – она есть символ присутствия в этом бытии человека, способного воспринимать и переживать тишину» [5, С. 18]. В данном случае реципиентом становится едва различимая в ночном мраке и шуме тополей фигура лирического героя, который переживает экзистенциальный кризис и находится на границе этого и иного миров.

Из первого поэтического цикла Й. Дучича «Сенке по води» («Тени на воде») для анализа были выбраны три стихотворения: «Сат» («Часы»), «Самоћа» («Одиночество») и «Тишина». Все произведения обладают элегическими чертами и относятся к категории пейзажной и, в то же время, философской лирики. В них лирический герой вовсе не персонифицирован, а присутствует только на уровне безмолвной тени, которая наблюдает за погружением мира во мрак. Кроме того, они содержат разнородные звуковые образы, интересные для данного исследования.

В анализируемом стихотворении «Сат» напряженная атмосфера и тревога лирического героя передаются через характерные для творчества Й. Дучича образы сгущающегося ночного мрака и шороха тополей. Текст в целом отличается эфемерностью и неуловимостью пейзажа, что подчеркивается упоминанием «скрытого колокола», фигура которого также остается неясной и туманной: «Но скривено звоно кад под сводом ледним / И опет се зачу из топола стари, / Сва

долина страхом испуни се једним…» *(«скрытый колокол под ледяным сводом, / И снова раздался среди старых тополей [звон], / Вся долина наполнилась единым страхом…»; перевод наш – А. Кашина)*. В связи с этим сам колокольный звон имеет особое значение в поэтическом пространстве, поскольку прорывает мертвую тишину окружающего мира. В качестве подтверждения данной мысли стоит обратиться к исследованию Т. А. Агапкиной, где она указывает на место колокольного звона в звуковой парадигме традиционной культуры славян: поскольку та состоит «из множества других громких и интенсивных звуков, таких, как крик, пение, гром» и др., колокол «перенял присущие им магические функции и занял в этой парадигме одну из лидирующих позиций, также, видимо, благодаря тому, что имел самое непосредственное отношение к сфере сакрального» [6, С. 280]. И действительно в художественном пространстве Й. Дучича колокольный звон в сочетании с боем часов в отдалении соотносятся с иной реальностью, пока только предвещая лирическому герою «неизбывные муки» (пер. О. Комкова).

В стихотворении «Самоћа» представлен иной звуковой пейзаж. Несмотря на обилие природных образов, Й. Дучич подчеркивает мертвенность и неестественность тишины, охватившей лес («Лежи река расута у мраку, / Мртва, бела. Не чујем да прска / Ни таласић између густих трска, / Ни птић речни гдегод у врбаку» – *«Лежит река, рассыпанная во мраке, / Мёртвая, белая. Не слышу ни плеска, / Ни малой волны среди густых тростников, / Ни речной птица где-то в ивняке»*). Усиление аудиальных мотивов в данном случае происходит засчёт аллитерации (концентрированного использования аффрикат и глухих согласных), предвещающей шум лип из третьей строфы. Кульминационным становится последний стих – «Једна душа мину посред ноћи...» *(«Одна душа исчезла посреди ночи»)* – метафорически изображающий смерть. Введение мортального мотива в данном случае закономерно, поскольку, как отмечает Л. Г. Невская, «немота и слепота становятся изосемантичными отсутствию души, и все вместе – метафорой смерти» [7, С. 130]. Таким образом, неестественное отсутствие звука, поступательно отмеченное еще в первой строфе, стало своеобразным предвестником трагичного финала.

В последнем стихотворении первого цикла «Тишина» категория отсутствия живого звука дополняется мотивом горя и забвенья: «Ту вечерње воде хује тихом тугом, / А жалосне врбе шуме заборавом» *(«Там вечерние воды шумят тихой тоской, / А печальные ивы шепчут забвенье)*. Среди этого мертвенного окружения Й. Дучич выписывает образ Одиночества, воплощённого в вечно молчаливой женской фигуре («у ћутању вечном»). Окруженная тайной и полутонами, она одновременно манит и страшит лирического героя: в ее присутствии он может погрузиться в мечты и забыть о боли реального мира. Однако не остается сомнений, что эта иномирная фигура Одиночества также сопряжена с мортальной символикой. На это же указывает исследование Л. Г. Невской: «тишина является проявлением эзотеризма сферы смерти, а тайна – атрибутом персонифицированного образа Смерти» [7, С. 134].

В связи с этим на основании трех наиболее репрезентативных стихотворений первого цикла, стоит заключить, что сфера аудиальных мотивов в раннем творчестве Й. Дучича была напрямую связана с различными воплощениями образа смерти. Природные элементы были целенаправленно обеззвучены, что дополнительно показало предопределённость судьбы лирического героя. Подтверждение данному тезису можно найти в труде С. Шеатович-Димитриевич, где исследователь пишет, что все поэтические циклы Й. Дучича стоит называть метафизическими, так как они следуют за развитием природной лирики и вводят темы смерти, Бога, тайны и феномена границы [8, С. 279].

В заключительном цикле Й. Дучича звуковой пейзаж представлен в ином свете: во-первых, природная лирика значительно уступает философской, в связи с чем «естественные» звуки (шум деревьев, река, пение птиц) почти вовсе отсутствуют в поэтическом пространстве; во-вторых, появляется персонифицированный лирический герой, который обретает собственный голос и часто напрямую вступает в диалог с роком, угнетающим его в «Тенях на воде», или даже с Богом.

Как отмечает критик Й. Делич, поэтика Й. Дучича в зрелый период представляет собой поэтику великих тем [9, С. 415]. По мнению самого автора, лирик может достичь истинного величия, лишь обращаясь к трем высшим темам: Богу, Любви и Смерти. Именно последнее стало творческой доминантой, пройдя эволюцию от неоромантического ореола 1890-х годов к строгим формам парнасской поэзии начала XX в. Таким образом для анализа из последнего цикла были выбраны по одному наиболее характерному стихотворению из каждой группы: «Човек говори Богу» («Человек говорит Богу») и «Јесења песма» («Осенняя песня»).

Первое из них открывает поэтический цикл 1943 г., где лирический герой, как следует из названия, в монологической форме вопрошает Бога о сути Бытия: «Мој дух човеков откуд је и шта је? / Твој део или противност од тебе – Јер треће нема!» *(«Откуда мой человеческий дух и что это? / Часть тебя ли или твоя противоположность – Ведь третьего не дано!»)* Таким образом, основной звуковой облик стихотворения сосредоточен вокруг эксплицитно выраженного мотива «говорения». При этом дихотомия звук – тишина, заявленная в «Тенях на воде», здесь приобретает иные оттенки: если раньше категория отсутствия звука принадлежала к сфере смерти, то теперь безмолвие является чертой Бога, оказавшегося глухим по отношению к вопросам лирического героя. Й. Дучич гиперболизирует этот мотив за счет природных образов, говоря, что не только человек, но и земля с небом оставлены: «Небо и земља не могу те чути» *(«Небо и земля не могут тебя услышать»)*. Таким образом, аудиальные мотивы здесь строятся на контрасте между голосом человека и безмолвием Бога, подчёркивая драматизм и невозможность не только диалога, но и экзистенциального поиска.

Во втором произведении «Јесења песма» звуковой пейзаж актуализируется непосредственно через природные образы, через которые Й. Дучичу «слышатся зовы Вечного», как писал А. Белый [10, С. 124]. Звуковая картина стихотворения подчёркнуто приглушённая. Первый намёк на звук даётся в начальных строках: «Први ветри с цвећа носе / Све петељку по петељку» *(«Первые ветры уносят с цветов / Все лепестки один за другим»)*. Игра со звуками п-т-с окружает строфу мягким шелестом увядающих листьев, аккуратно вводя мотив осеннего умирания. Однако смерть в этом стихотворении не является страшной или гнетущей. Напротив, она ознаменована чудом завершения жизни, которое полно света и лишено какого-либо мирского, суетного шума («Све се чудно овде преда / Овој смрти која сјаје» – *«Всё здесь странно предаётся / Этой смерти, что сияет»*). В связи с этим иной мир представляется лирическому герою завораживающим, почти манящим, пространством. Таким образом, звуковые мотивы в «Осенней песне» строятся на противопоставлении слабого звука (ветер, шелест листьев) и тишины, которая становится звуковой доминантой, символизирующей умиротворённое начало смерти.

Таким образом, говоря об эволюции аудиальных мотивов в творчестве Й. Дучича, стоит отметить, что изначально представленные областью «естественных звуков», т.е. шумом реки, деревьев, пением птиц, они постепенно приобретают новое смысловое наполнение. В поздних произведениях звуковой пейзаж утратил свою прежнюю связь с декадентским мироощущением автора, соответственно лишившись эзотерического компонента. В «Лирике» аудиальные мотивы, как правило, сопряжены со сферой сакрального, поскольку слово (и его семантические синонимы) принадлежат либо персонифицированному лирическому герою, либо самому Богу. В этом контексте звуковой пейзаж произведения становится не просто дополнением, как в первом цикле, а доминантой, от которой зависит успех духовных поисков, вопрошаний и почти молитвенных монологов лирического героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поповић Р. Књига о Дучићу. 1-е изд. Источно Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005. 292 с.

2. Pankau Johannes G. (Herausgeber) Fin de siècle: Epoche, autorun, werke. Darmstadt, 2013. 240 с.

3. Weber Eugen Joseph. Fin de siècle: la France à la fin du XIXème siècle Paris, 1986. 384 с.

4. Юсип-Якимович Ю. Звуковой пейзаж как основа акустической картины мира славянских поэтов-символистов // Филологические заметки. 2015. С. 147-160.

5. Логинова М. В., Прокаева О. Г. Звуковой код культуры: феномен тишины // Сфера культуры. 2023. С. 13-19.

6. Агапкина Т. А. Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 210-283.

7. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 123-135.

8. Шеатовић–Димитријевић С. Метафизички циклуси у поезији Јована Дучића // Поезија и поетика Јована Дучића. Требиње – Београд: Институт за књижевност и уметност Филолошки факултет Универзитета у Београду Дучићеве вечери поезије, 2009. С. 261-285.

9. Делић Ј. Поглед с међе – Тема смрти у пјесништву Јована Дучића // Поезија и поетика Јована Дучића. Требиње – Београд: Институт за књижевност и уметност Филолошки факултет Универзитета у Београду Дучићеве вечери поезије, 2009. С. 415-433.

10. Юсип-Якимович Ю. Структурно-семиотические плоскости славянского звукосимволима // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. №3. С. 123-127.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81-23

РУССКИЕ НАРЕЧИЯ *ВВЕРХ*, *КВЕРХУ*, *НАВЕРХ*: ЗНАЧЕНИЕ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА НА ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Комарова Мария Александровна
Аспирант,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия

Ковалев Александр Иванович
Ассистент,
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Москва, Россия

Статья посвящена наречиям, обозначающим движение по вертикали, с приставками в-, к-, на-. Обобщается значение каждого из рассматриваемых наречий согласно данным различных толковых словарей. Устанавливается связь между предложно-падежными конструкциями с предлогами в, к, на и их влиянием на значение слов с теми же приставками. Определяются семантические оттенки наречий направления, за счёт чего также разграничиваются контексты употребления «вертикальных» наречий с разными приставками. Проводится анализ примеров перевода словосочетаний ‘глагол с семантикой перемещения по вертикали + одно из рассматриваемых наречий’ на английский и немецкий языки в рамках Параллельного корпуса, после чего перечисляются языковые средства, к которым чаще всего прибегают при переводе на эти языки.

Ключевые слова: наречия, направление, приставка в-, приставка к-, приставка на-, предлог в, предлог к, предлог на, корпусная лингвистика, Параллельный корпус, перевод, германские языки, русский язык

RUSSIAN ADVERBS VVERKH, KVERKHU, NAVERKH: MEANING AND FEATURES OF THE TRANSLATION INTO GERMANIC LANGUAGES

Komarova Maria Alexandrovna
Postgraduate student,
Saint Tikhon’s Orthodox University of Humanities,
Moscow, Russia

Kovalev Alexandr Ivanovich
Assistant,
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia

This article is devoted to adverbs denoting vertical movement, with the prefixes v-, k-, na-. The meaning of these adverbs is summarized according to the data of various explanatory dictionaries. A connection between prepositional-case constructions with prepositions v, k, na and their influence on the meaning of words with the same prefixes is

established. Semantic shades of the adverbs of the direction are determined, the contexts of the use of "vertical" adverbs with different prefixes are distinguished. The analysis of examples of the translation of the phrases 'a verb with vertical movement semantics + one of the adverbs under consideration' into English and German within the Parallel corpus is carried out, the linguistic means which are most often resorted to when translating into these languages are listed.

Keywords: adverbs, direction, prefix v-, prefix k-, prefix na-, preposition v, preposition k, preposition na, corpus linguistics, Parallel corpus, translation, Germanic languages, Russian language

*****

Рассматриваемые в рамках нашего исследования наречия с корнем *-верх-* обозначают направление объекта, движущегося по вертикали. В работе И. Майер [1] для значения, так или иначе связанного с направлением, используется термин 'директивное'. Оно может подразделяться на аблативное, если важен исходный пункт движения, и аллативное, если важен конечный пункт. Наречия *вверх*, *кверху* и *наверх* отвечают на вопрос *куда?*, соответственно, подразумевают конечный пункт и имеют аллативное значение.

На первый взгляд эти три наречия различаются только приставками. Обратимся к толковым словарям, чтобы уточнить значение каждого из этих наречий. В качестве информационных источников послужили толковые словари Ожегова [2], Ушакова [3], Кузнецова [4], Ефремовой [5].

Определения наречий *наверх* и *кверху* в словарных статьях часто даны через наречие *вверх*, и можно предположить, что у этого наречия более широкое значение. Обобщая данные нескольких толковых словарей, получим следующее:

вверх – по направлению от низа к верху, в более высокое место

кверху – в направлении от земли к небу, то же, что и вверх

наверх – на верхнюю часть объекта, ввысь, вверх

Следует упомянуть, что наречия как класс слабо охарактеризованы с семантической точки зрения [6], так как, по сути, перенимают значение слов и словосочетаний, от которых они образованы. Наречия направления *вверх*, *кверху* и *наверх* – это бывшие словосочетания *в верх*, *к верху* и *на верх*. Предлоги *в*, *к* и *на*, согласно Частотному словарю [7], являются одними из наиболее распространённых предлогов русского языка. Выявим связь предложных конструкций с этими предлогами и наречий с такими же приставками.

В работе Шелякина [8] подчёркивается, что выражения с предлогами *в* и *на*, после которых следует винительный падеж, имеют направленно-инклюзивное значение, с той разницей, что употребление предлога *в* подразумевает движение как таковое во внутренние пределы, а употребление предлога *на* – последующее соприкосновение с поверхностью.

Эта мысль подтверждается и в исследованиях О. П. Ермаковой об аффиксах наречий в целом [9] и А. Гладковой [10] о наречиях с приставками *на-* и *в-*: в контексте ориентации объекта в пространстве предпочтительнее наречие *вверх*, а *наверх* чаще употребляется, когда подразумевается конкретная цель, и необходимо показать завершённость действия.

Что касается предлога *к*, управляемого дательным падежом, и, соответственно, наречий с той же приставкой, в этом случае задаётся лишь вектор направления, по которому объект будет двигаться, а конечная цель здесь не так важна.

Таким образом у каждого из аллативных наречий с корнем *-верх-* есть свои семантические оттенки, которые отражены в текстах и должны быть сохранены при переводе на другие языки.

Перевод наречий.

Рассмотрим переводы словосочетаний с глаголами *подняться* и *подниматься* на германские языки в рамках Параллельного корпуса НКРЯ [11].

Примеры переводов на английский язык:

вверх

- Но ты не собираешься умереть, а ты хочешь ***подняться вверх****. / But you're not trying to die, you want* ***to rise up****.* [НКРЯ-ПК. Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (2013) | Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016)]

- Следили, следили, вдруг пчела ***поднялась вверх*** *и полетела. / We waited and waited and suddenly the bee we were watching* ***rose up*** *and flew away*. [НКРЯ-ПК. Николай Носов. Дневник Коли Синицына (1950) | Nikolay Nosov. Kolya Sinitsin's diary (Rose Prokofieva, 1954)]

– Новенький блестящий лифт немного ***поднялся вверх****. / The shining new elevator* ***rose a little****.* [НКРЯ-ПК. И. А. Ильф, Е. П. Петров. Одноэтажная Америка (1937) | Ilya Ilf, Evgeny Petrov. Little Golden America (Charles Malamuth, 1944)]

– Цель жизни – это то, что заставляет тебя ***подниматься вверх…****» / "The purpose of life is whatever makes you* ***rise above…****"* [НКРЯ-ПК. Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (2013) | Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016)]

- Она медленно плыла, то ***поднимаясь вверх****, то соскальзывая вниз с пологого загривка волны. / She swam forward slowly, now* ***rising****, now slipping down from the gently sloping back of the wave*. [НКРЯ-ПК. Радий Погодин. Дубравка (1960) | Radiy Pogodin. The Panther (Raissa Bobrova, 1980)]

- Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало ***подниматься вверх****, а затем превратилось в ряд уступов. / About two hundred paces from the mouth of the ravine the bottom* ***sloped*** *sharply* ***upward****, then became a series of ledges*. [НКРЯ-ПК. В. А. Обручев. Плутония (1915-1924) | Vladimir Obruchev. Plutonia (Brian Pearce, 1957)]

кверху

- Мы ***поднялись кверху*** *и полетели дальше. / We* ***soared higher*** *and flew farther on*. [НКРЯ-ПК. И. С. Тургенев. Призраки (1864) | Ivan Turgenev. Phantoms (Constance Garnett, 1897)]

- Брови ***поднялись кверху****. / Her eyebrows* ***rose high****.* [НКРЯ-ПК. А. И. Куприн. Олеся (1898) | Aleksandr Kuprin. Olesya (Stepan Apresyan, 1982)]

- Густые, страшные брови Эммы Эдуардовны ***поднялись кверху****. / The bushy, frightful eyebrows of Emma Edwardovna* ***rose upward****.* [НКРЯ-ПК. А. И. Куприн. Яма (1908-1915) | Alexandre Kuprin. Yama (Bernard Guilbert Guerney, 1929)]

- Добрый кабардинец засеменил всеми ногами вдруг, не зная, на какую ступить, и как бы желая на крыльях ***подняться кверху****. / His good Kabarda horse, prancing from one foot to another not knowing with which to start, seemed to wish to* ***fly upwards*** *on wings*. [НКРЯ-ПК. Л. Н. Толстой. Казаки (1863) | Leo Tolstoy. The Cossacks (Louise and Aylmer Maude, 1911)]

- Потому что теплый воздух легче холодного и всегда ***поднимается кверху.*** */ "Because hot air is lighter than cold, and so it* ***rises****.* [НКРЯ-ПК. Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953-1954) | Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1980)]

- Ртуть начала медленно ***подниматься кверху****. / The mercury started to* ***rise****.* [НКРЯ-ПК. Николай Носов. Весёлая семейка (1949) | Nikolay Nosov. Jolly family (Rose Prokofieva, 1954)]

- Дым Костромы ***поднимался кверху****, пробивая снега. / Kostroma's smoke* ***rose high****, cutting through the snow*. [НКРЯ-ПК. Исаак Бабель. Конец святого Ипатия (1924) | Isaac Babel. The End of St.Hypatius (Peter Constantine, 2002)]

наверх

- Из подземелья ***поднимаемся наверх****. / – We* ***ascend*** *from the underground*. [НКРЯ-ПК. Светлана Алексиевич. Время секонд хэнд (2013) | Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016)]

- Я шел, спускаясь в темные коридоры и потом опять ***поднимаясь наверх****. / I went, descending into dark corridors and* ***ascending*** *again.* [НКРЯ-ПК. А. Н. Стругацкий,

Б. Н. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1965) | Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Monday Begins on Saturday (Leonid Renen, 1977)]

- *"Предводитель команчей жил, однако, в пошлой роскоши", — думал Остап,* ***поднимаясь наверх****. / "The Comanche chief lived in vulgar luxury, "thought Ostap as he* ***went upstairs****.* [НКРЯ-ПК. И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927) | Ilya Ilf, Evgeny Petrov. The Twelve Chairs (John Richardson, 1961)]

- *Их было четверо, двое* ***поднялись наверх****. / There were four of them and two went* ***upstairs****.* [НКРЯ-ПК. Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) | Mikhail Elizarov. The Librarian (Andrew Bromfield, 2015)]

- *Он* ***поднялся наверх****. / He* ***went upstairs****.* [НКРЯ-ПК. Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966-1983) | Anatoly Rybakov. Children of the Arbat (Harold Shukman, 1989)]

- *Романов* ***поднялся наверх*** *и появился снова с газетой. / Romanov* ***went upstairs*** *and again returned with a piece of newspaper.* [НКРЯ-ПК. Варлам Шаламов. Заговор юристов (1962) | Varlam Shalamov. The Lawyers' Plot (John Glad, 1980)]

Примеры переводов на немецкий язык:

вверх

- *Кони рванулись, и всадники* ***поднялись вверх*** *и поскакали. / Die Pferde ruckten an,* ***stiegen*** *mit ihren Begleitern in die Luft* ***empor*** *und sprengten davon.* [НКРЯ-ПК. Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940) | Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita (Thomas Reschke, 1968)]

- *И я не удивлюсь, если сейчас круглыми медленными дымами подымутся вверх купола аудиториумов. / Ich würde mich nicht wundern, wenn jetzt die Kuppeln der Auditorien als runde Rauchwolken langsam* ***emporstiegen****.* [НКРЯ-ПК. Евгений Замятин. Мы (1920) | Jewgenij Samjatin. Wir (Gisela Drohla, 1958)]

- *Тут снял он с себя пояс, бросил вниз саблю, чтоб не звенела, и, ухватясь за ветви,* ***поднялся вверх****. / Er nahm seinen Gürtel ab, legte auch den Säbel weg, damit er nicht klirre, und* ***stieg*** *an den Ästen* ***hinauf****.* [НКРЯ-ПК. Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831-1832) | Nikolaj Gogol. Abende auf dem Vorwerke bei Dikanjka und andere Erzählungen (Alexander Eliasberg, 1921)]

- *Лепестки стали* ***подниматься вверх*** *и заворачиваться назад, пока не получился цветок. / Danach begannen sich die Blütenblätter* ***aufzurichten*** *und nach hinten einzurollen, so dass eine Blume daraus wurde.* [НКРЯ-ПК. Кир Булычев. Перевал (1983) | Kirill Bulytschow. Der Gebirgspass (Aljonna Möckel, 1986)]

- *По лестнице* ***поднимался вверх*** *бегом одинокий фрачник. / Ein Mann im Frack* ***eilte*** *die Treppe* ***herauf****.* [НКРЯ-ПК. Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940) | Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita (Thomas Reschke, 1968)]

- *Быстро* ***поднимается вверх****. Начинает дышать легкими, вбирая воздух, напоенный знакомыми запахами цветов. / Eilig* ***steigt*** *er* ***hinauf****, beginnt mit seinen Lungen zu atmen und zieht tief die blumengesättigte Luft ein.* [НКРЯ-ПК. Александр Беляев. Человек-амфибия (1928) | Alexander Beljajew. Der Amphibienmensch (Nelly Sergejewa, 1989)]

- *Порой Илье казалось, что и он* ***поднимается вверх****. / Zuweilen schien es Ilja, daß auch er selbst* ***emporgetragen werde****.* [НКРЯ-ПК. Максим Горький. Трое (1900-1901) | Maxim Gorki. Drei Menschen (August Scholz, 1901-1923)]

кверху

- *Щеки опустились, губа* ***поднялась кверху****, глаза были обтянуты книзу. / Ihre Wangen waren eingefallen, die Lippen hatten sich* ***nach oben gezogen****, und ihre Augen lagen in tiefen Höhlen.* [НКРЯ-ПК. Л. Н. Толстой. Война и мир (том 1) (1865-1869) | Lew Tolstoi. Krieg und Frieden (1. Band) (Hermann Röhl, 1922)]

- *Пролетев шагов двадцать, второй дупель* ***поднялся кверху*** *колом. / Sie flog noch etwa zwanzig Schritte weiter,* ***hob sich*** *dann senkrecht* ***in die Höhe****.* [НКРЯ-ПК. Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5-8) (1873-1877) | Lew Tolstoi. Anna Karenina (5.-8. Teile) (Hermann Röhl, 1913)]

- *Туман начал* ***подниматься кверху****. / Der Nebel begann* ***höher zu steigen****.* [НКРЯ-ПК. Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896-1904) | Lew Tolstoi. Chadschi Murat (August Scholz, 1912)]

- То у него морщился лоб широкими складками, брови ***поднимались кверху****. / Seine Stirn runzelte sich und die Augenbrauen* ***zogen sich hoch****.* [НКРЯ-ПК. Л. Н. Толстой. Война и мир (том 1) (1865-1869) | Lew Tolstoi. Krieg und Frieden (1. Band) (Hermann Röhl, 1922)]

наверх

- Румата ***поднялся наверх****, постучавшись, вошел в кабинет. / Rumata* ***stieg*** *die Treppe* ***hinauf****, klopfte und trat ins Herrenzimmer*. [НКРЯ-ПК. А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Трудно быть богом (1964) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (Hermann Buchner, 1990)]

- ***Поднявшись наверх****, Климка увидел Павку сидящим на корточках перед раскрытой топкой. / Als Klimka* ***heraufkam****, sah er Pawel vor dem offenen Ofen kauern*. [НКРЯ-ПК. Николай Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934) | Nikolai Ostrowski. Wie der Stahl gehärtet wurde (1. Teil) (1936-1977)]

- ***Поднимайтесь наверх****, но за ворота не выходите. /* ***Gehen*** *Sie ganz* ***hinauf****, aber bleiben Sie im Haus*. [НКРЯ-ПК. А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Трудно быть богом (1964) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (Hermann Buchner, 1990)]

- Он стал ***подниматься наверх*** *наугад. / Er* ***stieg*** *die Treppe aufs Geratewohl* ***hinauf****.* [НКРЯ-ПК. Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Fjodor Dostojewski. Verbrechen und Strafe (Alexander Eliasberg, 1924)]

Как мы видим, наиболее часто используются следующие языковые средства:

вверх – глагол *rise* в английском языке, глаголы с компонентами *empor* и *auf* в немецком языке.

кверху – глагол *rise*, наречия *high* и *upwards* в английском языке, выражения с компонентом *hoch* в немецком языке.

наверх – глагол *ascend* и наречие *upstairs* в английском языке, глаголы с компонентом *auf* в немецком языке.

Итак, наречия с корнем *-верх-* и различными приставками имеют следующие семантические оттенки:

вверх – по направлению от низа к верху, в более высокое место;

кверху – по направлению от земли к небу, вектор движения к некой точке, расположенной выше;

наверх – на поверхность объекта, закрепление на его верхней части.

При переводе наречий на германские языки семантические нюансы по большей части сохраняются, это видно по выбору лексических средств. Однако можно предположить, что для носителей английского наречия *вверх* и *кверху* практически не различаются по смыслу, так как при их переводе на английский язык довольно часто используется глагол *rise*. Для носителей немецкого языка почти неразличимы наречия *вверх* и *наверх* – за счёт частого использования компонента *auf* в немецких переводных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maier I. К описанию семантики одной группы русских наречий: слева/справа, налево/направо, влево/вправо // Russian Linguistics 19, 1995. С. 219-250.

2. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2015.

3. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М.: Дом Славянской книги, 2008.

4. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008.

5. Т. Ф. Ефремова. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.

6. Сичинава Д. В. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С.23

7. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009.

8. Шелякин М. А. Об отношениях предложных и падежных значений в предложно-падежных формах русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022 №4 (12). С.2-5.

9. Ермакова О. П. О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий. // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С.143

10. Гладкова А. Конкуренция наречий направления с приставками в- и на-. Курсовая работа, научный руководитель М.А. Холодилова. На правах рукописи. Спб., 2012.

11. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения – 10.02.2025)

УДК 808.5

О СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКЦИОНАЛЬНОГО КОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кропта Ольга Александоровна
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения»
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»,
Волгоград, РФ
SPIN-код 7171 – 6756

В данной статье предпринята попытка рассмотрения акционального кода и средств его реализации. Автор обратился к двум видам лексических репрезентантов – глаголам и фразеологизмам, выявил, что акциональный код в лингвокультуре – возможность описать русскую концептосферу. Текст рассматривается автором с точки зрения функциональной когнитивистики, делая акцент на его контептуальной составляющей. Именно благодаря этому явлению можно сформировать ценностную систему, рассмотреть культурное сообщество, обнаружить лингводидактический потенциал, получить возможность проследить исторический путь формирования.

В работе определено понятие акционального кода как «название действий, совершаемых человеком», находящих своё отражение в языке и представленных определёнными лексическими единицами.

В статье автор обращается к семантическому полю «название действий, совершаемых человеком», а также к его ядерным понятиям, которые требуют изучения, уточнения и конкретизации.

Ключевые слова: акциональный код, лингвокультурология, глагольная лексема, фразеологическая единица, субстантивный глагол, адъективный глагол, концепт, смысловая единица, культурный код.

ABOUT THE MEANS OF REPRESENTATION OF THE ACTION CODE IN RUSSIAN

Kropta Olga Alexandorovna
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods
of Professional Education,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Volgograd State Agrarian University», Volgograd, Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation
SPIN code 7171 – 6756

This article attempts to review the stock code and the means of its implementation. The author turned to two types of lexical representations – verbs and phraseological units, and revealed that the action code in linguoculture is an opportunity to describe the Russian conceptual sphere. The author examines the text from the point of view of functional cognitive science, focusing on its conceptual component. It is thanks to this phenomenon that it is possible to form a value system, consider a cultural community, discover linguistic and didactic potential, and be able to trace the historical path of formation.

The paper defines the concept of an action code as "the name of actions performed by a person", reflected in the language and represented by certain lexical units. In the article, the author refers to the semantic field "the name of actions performed

by a person", as well as to its core concepts, which require study, clarification and specification.

Keywords: Keywords: action code, linguoculturology, verb lexeme, phraseological unit, substantive verb, adjective verb, concept, semantic unit, cultural code.

*****

Создание текста определённого содержания способствует выражению авторского замысла, передаче представлений о мироздании. Именно поэтому необходимо изучать словотворчество с позиции содержащейся в ней информации, применяя эмпирический анализ, рассматривая текст в виде совокупности авторских идей. Ввиду того, что мы обозначали, современная лингвистическая наука рассматривает текст с точки зрения функциональной когнитивистики, делая акцент на его контептуальной составляющей.

Ю. М. Лотман убеждён в том, что «культура представляет собой не только склад информации, но и механизм, который определяет способы хранения этой информации» [Лотман, 2001: 395]. Получается, что культурой может быть названа определённая структура, которая кодирует «культурную информацию, вследствие чего термин «код» несет представление о структуре, созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью» [Лотман, 2001: 13].

Определим понятие «акциональный код» в лингвокультурологии. Мы, вслед за В. Н. Телия, определим данную дефиницию следующим образом: «Совокупность наименований и их сочетаний, которые обозначают деятельность в целом или отдельные действия и отношение человека к ним» [Телия, 1996]. Своей задачей определяем обозначение способов и средств репрезентации акционального кода в русском языке. В первую очередь, следует обратить внимание на русскоязычные глаголы, употребляющиеся как в прямом, так и в переносном значениях (метафоры, метонимии), а также образованные от них имена существительные; фразеологизмы, главное слово в которых является глаголом и включает характеристики разных видов деятельности.

Р. Бартом впервые было обозначено понятие «акциональный код», под которым он понимал определённые действия, способные объяснить сюжет повествования. Мы понимаем, что именно благодаря акциональному коду можно определить и последовательно описать сюжет, действия, представить их во времени, но в то же время создать эффект недосказанности для того, кто воспринимает текст [Сараева 2016: 68]. Однако рассмотренная ранее трактовка изучаемого понятия имеет в большей степени литературоведческий, чем лингвистический уклон. Впоследствии лингвистами-исследователями было предложено трактование акционального кода как совокупности единиц, обозначающих различного рода действия во всём многообразии и взаимодействии [Толстая, 2013: 23 –31].

Описание действий, в частности физических, является ведущим кодом русской лингвокультурологической картины мира, что диктует наличие акционального кода как отражения «представлений человека об окружающем мире, взаимоотношениях между людьми, о внутреннем мироустройстве и т. п. посредством определенных стереотипов, эталонов, культурных универсалий» [Мигранова, 2010: 21]. Исследование акционального кода направлено на выявление неочевидных смыслов глаголов, участвующих в его создании.

Фразеологические единицы представляют собой типичный «семиотический код», который осуществляет взаимосвязь исторического прошлого с самосознанием человека, мыслящего современно, при этом готового использовать стереотипные установки. Именно эти единицы, по утверждению Л. Г. Золотых, «способны кодировать объекты отражения благодаря лингвокреативному мышлению, предполагающему категоризацию предметов мысли, а также фиксацию наиболее значимого для модели мира национально-

культурного опыта как аккумулируемого результата ценностной деятельности народа в ее структуре».

Образность языка напрямую находит воплощение во фразеологических единицах. В них отражаются «культурные коды», концептуальный мир. Следует отметить, что образность фразеологической единицы соприкасается с таким культурным кодом, который имеет концептуальную составляющую и находится внутри понятийного ряда.

Как утверждает М. Л. Ковшова, в основе культурного кода находится именно фразеологизм, так как «именно эта процедура обусловливает декодирование культурных смыслов фразеологизма, которые служат интерпретантами фразеологического знака, реконструирует культурную коннотацию фразеологизма, формирует его роль как знака культуры» [Ковшова, 2008: 65].

Культурный код берёт своё начало в архетипических представлениях. Архетип отражён в культурном и языковом сознании представителя той или иной нации. Именно благодаря ему формируется концептуальная картина мира. Потребность в возникновении культурного кода возникает в тот момент, когда требуется переходить к смысловой форме. Национальные сообщества находят свои способы кодирования явлений. Зачастую это происходит в результате взаимодействия личности и культуры. Таким образом, следует сказать о существовании концептуального кода, который определяется мировоззрением, культурными национальными особенностями. Мы говорим об *акциональном коде,* который находит воплощение в образах, мышлении, деятельности языковой личности и отражает представление о межличностных взаимоотношениях, мироустройстве, культуре и прочем.

В своей работе обратимся к семантическому полю «*название действий, совершаемых человеком*», а также к его ядерным понятиям, которые требуют изучения, уточнения и конкретизации. На наш взгляд, понятие «акциональный код» может быть определено как «*название действий, совершаемых человеком*», *находящих своё отражение в языке и представленных определёнными лексическими единицами*.

Изменяя общую модель, мы убеждены, что лексический языковой состав представляет собой полевую модель. Центром назывного компонента являются единицы, которые регулируют простую назывную функцию. Данные единицы представляют слова, иначе говоря, *синлексы* (термин принадлежит Г. И. Климовской) – это семантически и грамматически устойчивые, при этом оформленные раздельно языковые единицы, близкие слову, однако не содержащие идентичных либо близких по номинативному составу единиц.

Периферийной составляющей является номинативный состав, включающий языковые единицы, «в которых номинативная функция осложняется эмотивной или чисто интеллектуальной (ментальной) экспрессией, различными культурными коннотациями, а также более или менее жесткой прикрепленностью к тому или иному стилю языка» [Лобанова, 2011: 15].

Среди подобных единиц следует выделить группы:

- фразеологические единицы (в узком смысле) – сложные по структуре, значению и функциям языковые единицы (словосочетания или целые предложения), вырабатываемые в течение веков народом и употребляемые первично в разных формах устного речевого общения: *коломенская верста, мелкая сошка; гол как сокол, из молодых да ранних; бить баклуши, попасть впросак, точить лясы*;
- обороты речи – культурные, первоначально рукотворные, но затем утратившие авторскую прикрепленность составные единицы;
- обороты речи используются преимущественно в публицистических и искусствоведческих текстах и обладают менее острым и ярким образным зарядом, чем фразеологизмы: *перст судьбы, азбучная истина, высокие материи; в апогее славы, в духе времени, в мгновение ока, переходить все границы, сломать лед молчания*;

- беллетризмы – образные сочетания слов, которые фиксируют не образные, как обороты речи, а очень конкретные факты «вторичной» (художественной) реальности (социальные и психологические коллизии, физические действия людей и животных, черты внешности и т.д.): *копна волос, взрыв смеха, порыв ветра; с первыми лучами солнца, с замиранием сердца; бросить взгляд, обратить взор на кого-либо, залиться румянцем*;
- устойчивые метафоры, метонимии, сравнения: *говор волн, пламя страстей, лес рук*;
- перифразы неметафорического типа: *люди в белых халатах, труженики моря, защитники Отечества, работники прилавка*;
- газетные штампы: *мирная инициатива, железный занавес, империя зла; «крылатые фразы» из литературных текстов: с корабля на бал, демьянова уха, человек в футляре, герой нашего времени*;
- библеизмы и мифологизмы как интернациональный образный материал: *глас вопиющего в пустыне, земля обетованная, запретный плод, краеугольный камень; зарыть талант в землю, отделить овец от козлищ (пшеницу от плевел); авгиевы конюшни, ариаднина нить, ахиллесова пята, двуликий Янус, муки Тантала*.

Вербальный акциональный фрагмент номинативного состава современного русского языка интересует нас, прежде всего, потому, что современная лингвистика утверждает мысль о центральной роли глагола в системе языка. Ведь именно глаголы и т.н. вербальная синлексика наиболее полно выражают акциональную семантику (значения действия, деятельности, процесса, состояния). Вслед за Г.И. Климовской, мы понимаем под вербальными синлексами устойчивые составные единицы языка, которые являются эквивалентами отдельных глаголов и обладают свойством экспрессивно-стилевой нейтральности: брать за основу что-либо, брать под наблюдение кого-либо, ввести в заблуждение кого-либо, войти в доверие к кому-либо, выйти из повиновения, дать отзыв о ком/чем-либо, делать вывод, делать открытие, держать пари на что-либо, нести ответственность за что-либо перед кем-либо, оказать влияние на кого-либо.

Носители языка способны трактовать и изучать явления, происходящие с ними, благодаря обозначению и называнию действий. Следовательно, акциональным кодом может быть названа совокупность действий, обозначенных лингвокультурологически. Одно из самых точных толкований акционального кода является дефиниция, представленная в лексикографическом издании «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление Культурологический комментарий» (под редакцией В. Н. Телия). Составители издания классифицируют единицы, отражающие деятельность человека, посредством «стереотипов», который определяется таким образом: «Некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная картинка, устойчивое культурно-национальное представление о предмете, явлении, ситуации» [Маслова, 2007: 110]. Рассмотрим фразеологическое сочетание «*мутить воду*», имеющее значение «*привносить смятение*». Данное выражение характеризует действующее лицо с недоброй стороны, способного создать ситуацию в обществе, которая приведёт впоследствии к конфликту. Глагол «*мутить*» в прямом значении означает «совершение действий, способствующих нарушению спокойствия в воде». Таким образом, акциональный код характеризует деятельность, давая описание ряду действий, создавая предпосылки к созданию метафорических переносов и их интерпретации.

В. Н. Телия вводит термины, способные охарактеризовать акциональный код русского языка. Определим некоторые категории:

1) деятельностно-речевая («*держать себя в руках*», то есть контролировать свои слова и поведение; «*поднять на ноги*», оказывать помощь нуждающемуся);

2) мимико-деятельностная («*не верить глазам (ушам)*», речь о чём-то, во что не верится); «*не сводить глаз – не отрывать взгляда*», то есть пристально всматриваться во что-либо);

3) деятельностно-ментальная («*бить ключом*», «*бить через край*», иначе говоря, речь об активной деятельности, её бурном проявлении);

4) мимико-эмоциональная («*болеть душой*», то есть переживать, беспокоиться; «*вешать голову*», отчаиваться; «*глаза горят*», выражение означает наивысшую степень желаемого; «*души не чаять*», трепетно, с любовью относиться к кому-либо; «*опустить руки*», отчаяться; «*проникнуть в душу*», то есть вызвать отклик в душе в собеседнике; «*сойти с ума*», перестать отдавать отчёт своим эмоциям, действиям);

5) деятельностно-поведенческая («*брать (взять) верх*», то есть иметь преимущества в какой-либо деятельности или над какой-либо личностью; «*закидать камнями*», стремиться к обвинению кого-либо в жёсткой форме; «*каши не сваришь*», невозможность найти компромисс в чём-либо; «*локти кусать*», сожалеть об упущенной возможности, «*ломать голову*», находиться в глубоких раздумьях относительно какого-либо вопроса);

6) деятельностно-речевая («*брать (взять) в свои руки*», решать ситуативный вопрос самостоятельно);

жестово-деятельностная («*брать за горло*», создавать ситуацию, в которой одна из сторон кажется ущемлённой, уязвимой) и другие группы.

Учёный, выделив и охарактеризовав данные акциональные коды, делает акцент на событиях и действиях, которые репрезентируют свойства, особенности поведения, физические действия и прочее.

Можем утверждать, что система лексем, представленных глаголами и глагольными формами, используемыми как самостоятельно, так и в составе фразеологизма, и характеризующих поведенческие особенности, эмоциональное состояние личности, представляет собой *акциональный код*.

В своей работе обратимся к двум видам лексических репрезентантов – *глаголам и фразеологизмам*.

Глаголы – слова, значение которых представляет собой единицы, репрезентирующие акциональный код. Каждый глагол, входящий в состав той или иной цепочки, может быть обнаружен в следующих речевых ситуациях:

1) характеризуют поведенческий потенциал человека, метафорически переосмысленный. Рассматриваемые глаголы отражают эмоциональное состояние, например, *грустить, огорчаться, сердиться, обижаться, удручаться, печалиться, радоваться* и подобные;

2) адъективные глаголы, то есть части речи, перешедшие в глаголы из прилагательных, например, *горячиться, сердиться*;

3) субстантивные, унаследовавшие своё значение посредством метафоризации, например, *звереть, мямлить, столбенеть*;

4) глаголы, которые участвуют в неявных ассоциативных рядах, например, *сложить оружие, сойти с рук, пуля не берёт, путаться под ногами*.

2. Фразеологизмы, в составе которых главным словом является глагол. По мнению Золотых Л. Г., «фразеологизмы выступают своеобразными семиотическими кодами, репрезентируют информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов» [Золотых, 208: 9]. Группа фразеологизмов, в которых в качестве главного выступает глагол или деепричастие, является самой распространённой. Как считает И. А. Стернин, «анализ словарных дефиниций позволяет вычислить прямое и переносное значения глаголов, содержащие эмоцию и оценку, отражающие систему ценностей и особенности менталитета носителей языка» [Стернин, 2017: 5–8].

Таким образом, акциональный код в лингвокультуре есть возможность описать русскую концептосферу. Именно благодаря этому явлению можно сформировать ценностную систему, рассмотреть культурное сообщество, обнаружить лингводидактический потенциал, получить возможность проследить исторический путь формирования.

Анализ русских фразеологических единиц демонстрирует, что акциональный код включает глаголы, фразеологизмы, основным компонентом которых является глагол. Рассматриваемые единицы способны охарактеризовать речь, особенности психического поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: на материале русского языка: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Золотых Лидия Глебовна; Белгород, 2008. – 45 с.

2. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л.Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 2. – С. 60 – 65.

3. Лобанова С. В. Вербальный акциональный фрагмент номинативного состава современного русского языка (на материале вербальной синлексики) / С. В. Лобанова // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 170 –173.

4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – 703 с.

5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва: Флинта : Наука, 2007. –293, [1] с.

6. Мигранова Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л.Н. Толстого: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Мигранова Лилия Шатлыковна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2010. – 26 с.

7. Сараева К. И. Лингвопрагматические особенности поликодового текстового пространства анонса художественного произведения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сараева Кристина Игоревна; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. – Краснодар, 2016. – 28 с.

8. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Ст. Исслед. Заметки: [(1968-1992)] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПБ, 2004. – 703 с.

9. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 33 с.

10. Телия В. Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – 284 с.

11. *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Славянская этнолингвистика: вопросы теории // Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 811.11+316.77

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В НЕМЕЦКИХ АНЕКДОТАХ О ВРАЧАХ И ПАЦИЕНТАХ

Никифорова Светлана Анатольевна
Доцент, кандидат филологических наук, доцент,
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 7590-8683

Языковые явления, эксплицитно выраженные в текстовом целом, а также имплицитные способы передачи юмора позволяют достичь комического эффекта. Анекдот представляет собой текст с ограниченным пространством, что обусловливает более тщательный выбор структурно-семантических единиц языка и широкое применение имплицитных форм для создания юмора. Употребление синонимов, антонимов, многозначных слов, слов с широкими и узкими значениями в рамках одного анекдота, терминов, повторов, а также использование различных словообразовательных моделей и полного или частичного синтаксического параллелизма – это то, что формирует текстовый уровень анекдота. Обман ожидания, противоречие здравому смыслу, разного рода несоответствия и ложная пресуппозиция составляют надтекстовый уровень анекдота, который также является эффективным способом создания комического эффекта.

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические явления, представленные в текстах немецких анекдотов на тему коммуникации между врачом и пациентом.

Актуальность статьи заключается в необходимости рассмотрения анекдота, включающего в себя лингвистические и экстралингвистические явления со своими особенностями и характеристиками.

Предметом работы является языковой материал, используемый в немецком анекдоте с целью создания комичного эффекта, а также экстралингвистические характеристики анекдотичного жанра.

Объектом исследования является медицинская тематика в немецких анекдотах.

Научная новизна заключается в том, что впервые анекдот рассмотрен как совокупность языковых и неязыковых явлений, создающих комический эффект в контексте немецкого языка.

Практическая значимость работы заключается в применении полученного в процессе исследования материала в академическом процессе, а также в последующих филологических и культурологических исследованиях.

Ключевые слова: немецкий язык, анекдот, языковые явления, комичность, коммуникация, пресуппозиция, несоответствие.

WAYS TO ACHIEVE COMIC EFFECT IN GERMAN JOKES ABOUT DOCTORS AND PATIENTS

Nikiforova Svetlana Anatolyevna
Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
S.M. Kirov Military Medical Academy,
St. Petersburg, Russia
SPIN-code: 7590-8683

Linguistic phenomena explicitly expressed in the text as a whole, as well as implicit methods of conveying humor, make it possible to achieve a comic effect. A joke is a text with limited space, which requires a more careful selection of structural and semantic units of language and the widespread use of implicit forms to create humor. The use of synonyms, antonyms, polysemantic words, words with broad and narrow meanings within one joke, terms, repetitions, as well as the use of various word-formation models and full or partial syntactic parallelism – this is what forms the textual level of the joke. Deception of expectations, contradiction to common sense, various kinds of inconsistencies and false presupposition make up the supratextual level of the joke, which is also an effective way to create a comic effect.

The article examines the linguistic and extralinguistic phenomena presented in the texts of German jokes on the topic of communication between a doctor and a patient.

The relevance of the article lies in the need to consider a joke that includes linguistic and extralinguistic phenomena with their own features and characteristics.

The subject of the work is the linguistic material used in a German joke in order to create a comic effect, as well as the extralinguistic characteristics of the joke genre. The object of the study is medical topics in German jokes.

The scientific novelty lies in the fact that for the first time a joke is considered as a set of linguistic phenomena that create a comic effect in the context of the German language.

The practical significance of the work lies in the application of the material obtained during the study in the academic process, as well as in subsequent philological and cultural studies.

Keywords: German language, joke, linguistic phenomena, comicality, communication, presupposition, inconsistency.

*****

Анекдоты неоднократно становились предметом исследования ученых. Представленный в них юмор рассматривается с позиции множества научных дисциплин, каждая из которых освещает определенные характеристики данного жанра [1, с.78]. Феномен комического эффекта в анекдоте достигается в случае соблюдения трех условий, а именно, субъективного состояния эмоционального абсурда, восприятия нормальности ситуации и нарушения ожиданий воспринимающего. В данной рассматриваются лингвистические и культурологические характеристики и особенности современного немецкого анекдота, освещающего взаимодействие между врачом и пациентом.

В анекдоте на медицинскую тему отсутствие запретов принимает своеобразные формы. В отличие от национального юмора, который предполагает наличие фоновых знаний о стране, в анекдоте на медицинскую тематику юмор не требует особого кода для его распознавания и расшифровки [2, с.164]. Это связано именно с насущными темами, которые затрагиваются в медицинских анекдотах: социальные проблемы, личностные характеристики коммуникантов и прочие житейские моменты. Несмотря на богатый языковой материал по изучаемой теме, в выборку включена лишь небольшая часть анекдотов, а именно, только те анекдоты,

которые не нарушают морально-этические нормы. Сложность выбора анекдотов для языкового анализа связана с тем, что многие анекдоты на медицинскую тему строятся на черном юморе, а предметом шутки зачастую становится личная жизнь пациента.

Большинство проанализированных анекдотов представлено диалогическим единством, включающим в себя одну или две реплики-стимула и столько же реплик-реакций [3, с.8]. Персонажами медицинских анекдотов являются врач и пациент, которые образуют ядро представляемой ситуации. Вокруг этого ядра группируются второстепенные участники, имеющие отношение к той или иной стороне. На стороне врача выступают его более опытные или менее опытные коллеги, а также младший медицинский персонал. Фронт пациента представляют его родственники – жена, дети, родители, наследники.

Реплика-стимул дает ключевые сведения об участниках беседы, месте и времени, а также условиях, при которых разворачиваются события. Реплика-реакция является кульминацией, шутливой развязкой разговора. Медицинские анекдоты в немецком языке, как правило, короткие по структуре, но объемные по содержанию. Информационное членение текста происходит от темы к реме. Кульминация в конце текста представляет собой сильную позицию, которую может занимать реплика-реакция как врача, так и пациента.

В языковом плане анекдот – это завершенный текст, в котором реализуются основные принципы структурирования текстового целого и упорядочения его элементов. В нем актуализируются принципы связности, кореферентности, смысловой целостности и информационного членения. Поскольку анекдот, как и поэтический текст, обладает ограниченным текстовым пространством, в нем максимально точно подобраны языковые единицы для достижения юмористического эффекта.

Анекдот имеет четко заданную структуру. Как отмечает Шмелева Е.Я. «сначала задается ситуация, затем рассказывается история, похожая на задачу, имеющую несколько решений. В несоответствии начала и конца анекдота кроется «соль» анекдота. Во время слушания воспринимающий информацию проходит две стадии: понимание несоответствия и нахождение скрытого смысла» [4, с. 131].

В настоящей статье изучаются как структурно-семантические особенности анекдотов на медицинскую тему, так и неязыковые способы передачи комичности ситуации. Анализ языкового материала показал, что анекдоты о врачах и пациентах можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся анекдоты, в которых юмористический эффект создается языковыми средствами различных уровней (фонетическими, лексическими, синтаксическими, словообразовательными), эксплицитно выраженными в тексте. Во вторую группу входят анекдоты, в которых юмор возникает на уровне пресуппозиций, несоответствий и/или через обман ожидания, которые составляют надтекстовый уровень анекдота.

Наиболее частотными и очевидными в плане выражения являются анекдоты первой группы, поскольку языковые единицы актуализируются в тексте анекдота и позволяют легко расшифровать план содержания.

Языковые средства в немецких анекдотах могут быть выражены следующим образом.

Прежде всего, это употребление антонимов. Использование антонимов в диалоге между врачом и пациентом – распространенное явление в немецких анекдотах, поскольку противопоставление позиций врача и пациента усиливает комический эффект.

Der Arzt spricht zum Patienten: "Trinken Sie mal 4 Wochen keinen Alkohol, dann sehen wir, ob sich ihre Krankheit bessert." "Könnte ich nicht lieber 4 Wochen lang doppelt so viel Alkohol trinken und wir sehen dann, ob meine Krankheit sich verschlimmert?", entgegnete der Patient [5]. *(Врач говорит пациенту: «Не употребляйте алкоголь в течение 4 недель, тогда мы посмотрим, улучшится ли Ваше состояние». «Не мог бы я*

лучше в течение 4 недель пить вдвое больше алкоголя, а затем мы посмотрим, не усугубится ли моя болезнь?» – возразил пациент.)

В анекдоте употребляются антонимы sich bessern (улучшаться) и sich verschlimmern (ухудшаться), которые вместе с частичным синтаксическим параллелизмом усиливают юмористический эффект. Пациент почти полностью повторяет структуры предложений в высказываниях врача: *Trinken Sie mal … – Könnte ich nicht lieber …; dann sehen wir, ob sich ihre Krankheit bessert – wir sehen dann, ob meine Krankheit sich verschlimmert*. Как показывает пример, реплика-реакция зеркально отражает реплику-стимул, и благодаря этому достигается желаемый результат: слушатель / читатель воспринимает ситуацию как комическую.

Следует также отметить использование омонимов в немецких анекдотах. Рассмотрим следующий пример: Kommt ein Arbeiter völlig aufgelöst zum Doktor und sagt: "Herr Doktor, ich hatte seit Tagen keinen *Stuhl*." Doktor: "Na dann setzen Sie sich erst mal!" *(Приходит к доктору совершенно расстроенный рабочий и говорит: "Доктор, у меня уже несколько дней не было стула". Доктор: "Ну, тогда присядьте для начала!")*

В анекдоте пациент использует слово «стул» в медицинском смысле, однако доктор переносит разговор на предметно-бытовую плоскость и употребляет это слово в общем значении, а не в узкоспециальном. В результате этого возникает юмористический эффект. Хотя в реплике-реакции нет слова «Stuhl» (стул), употребление глагола «sich setzen» (садиться) отсылает к предмету, на который он указывает. Между словами «Stuhl» и «sich setzen» устанавливается логико-семантическая связь. В структурном плане эти слова выступают в качестве тексто- и смыслообразующих элементов диалогического единства.

Характерным языковым явлением для немецких анекдотов является многозначность слов. Полисемия представляется необходимым условием для существования языка. За конкретной формой может стоять множество элементов содержания, что позволяет носителю языка использовать это явление в устной и письменной коммуникации. В анекдотах широко используется возможность одним и тем же словом обозначать разные предметы, события и явления. Анекдоты, строящиеся на многозначности слова, отличаются структурной и семантической простотой.

Рассмотрим пример с глаголом «fehlen», который имеет как прямое значение («отсутствовать», «не хватать»), так и переносное («иметь проблемы», «жаловаться на что-либо»). Следующий анекдот строится на оппозиции «прямое значение – переносное значение».

Fragt eine Frau aufgeregt ihren Arzt: "Herr Doktor, ich habe andauernd Kopfschmerzen, Ohrensausen, Rückenschmerzen, Wadenkrämpfe, Seitenstechen, Augenflimmern, Husten, Hexenschuss, Schwindelanfälle und Schüttelfrost. Was fehlt mir denn bloß?" Schaut sie der Arzt über den Brillenrand an: "Was soll Ihnen fehlen? Sie haben doch schon alles!" *(Женщина взволнованно спрашивает своего врача: «Доктор, у меня постоянно болит голова, звон в ушах, боли в спине, судороги в ногах, боли в боку, мерцание в глазах, кашель, прострел, приступы головокружения и озноб. Что же со мной не так?» Врач смотрит на нее поверх оправы очков: «Чего Вам должно не хватать? В конце концов, у Вас уже всё есть!»)*

Пациентка обращается к врачу с вопросом в надежде узнать, о какой проблеме со здоровьем могут свидетельствовать перечисленные ею симптомы. Вместо ожидаемого ответа, предполагающего постановку предварительного диагноза, пациентка сталкивается с нестандартной реакцией врача на ее жалобы. Доктор переводит разговор в другую плоскость и, частично повторяя структуру вопроса пациентки, дает неожиданный ответ. Так происходит подмена значений: в реплике-реакции употребляется прямое значение глагола «fehlen». Кроме того, врач употребляет антоним этого слова (haben – иметь). Стержень анекдота составляет простой ряд из вопроса-стимула и ответа-реакции, который строится на противопоставлении глаголов с противоположными значениями «fehlen» (отсутствовать) и «haben» (иметь): Was fehlt mir denn bloß? – Sie haben doch schon alles!

Отметим также широту и узость семантики немецких слов. Слова с широкой семантикой, такие как «machen» и «tun» открывают возможности для их частого употребления в анекдотах. Например: Ein Schotte ist erkältet, geht aber nicht zum Arzt, um Geld zu sparen. Er wartet bis der Arzt aus der Praxis kommt, und fragt ihn: "Herr Doktor, was tun Sie, wenn sie erkältet sind?" "Ich huste und niese", antwortet der Arzt. *(Шотландец простужен, но не идет к врачу, чтобы сэкономить деньги. Он ждет, пока врач выйдет из кабинета, и спрашивает его: «Доктор, что вы делаете, когда у вас простуда?» «Я кашляю и чихаю», – отвечает врач.)*

В анекдоте предельно широкое значение глагола «tun» (делать) позволяет включать в кульминационную реплику любой глагол действия. В данном примере на вопрос пациента, что ему делать, в реплике-реакции доктор использует глаголы «husten» (кашлять) и «niesen» (чихать), указывающие на симптомы простуды. Благодаря этому врач нарушает планы пациента бесплатно получить его консультацию.

Примечательно то, что в этом анекдоте, кроме реплики-стимула и реплики-реакции, составляющих диалогическое единство, дается вводная информация, которая содержит сведения о пациенте (ein Schotte – шотландец, его состоянии здоровья (erkältet – простужен) и намерении (Geld sparen – сэкономить деньги). Эти дополнительные знания позволяют сузить поле восприятия и усилить комичность ситуации. В данном примере также мы видим, как реализуется этностереотип [6, с. 40] для создания комического эффекта: в анекдоте, помимо прочего, высмеивается скупость щотландцев [7], [8, с 129].

Следующей языковой характеристикой немецкого анекдота является употребление терминов. Профессиональная лексика часто пугает пациентов и вызывает у них панику. Незнание терминов, их неправильное понимание, страх пациента перед неизвестным словом, за которым ему видится страшный диагноз, – все это часто становится предметом для шуток, как, например, в следующем анекдоте: Arzt: "Sie leiden an postbrachialer Erweiterung des Oberbauches." Der Patient ist schockiert und fragt entsetzt: "Oh mein Gott, Herr Doktor, was bedeutet das?" Arzt: "Sie haben Blähungen!" *(Врач: «У вас постбрахиальное расширение верхней части живота». Пациент шокирован и в ужасе спрашивает: «Боже мой, доктор, что это значит?» Врач: «У вас вздутие живота!»)*

В языковом плане диалоговое единство строится вокруг медицинского термина «postbrachiale Erweiterung des Oberbauches» (постбрахиальное расширение эпигастральной области), синонимом которого, по мнению врача, является слово «Blähungen» (вздутие живота). Юмор заключается в том, что в медицине не существует термина «постбрахиальное расширение верхней части живота». Это сочетание включает в себя совершенно разные понятия. Термин «постбрахиальный» означает «относящийся к задней стороне плеча», а «Oberbauch» – это эпигастральная область (от лат. epi- «над» gastr- «желудок»). Эти зоны не связаны друг с другом.

Этот анекдот представляет нам участников коммуникации, каждый из которых комичен по-своему. С одной стороны, перед нами предстает врач, который, пользуясь неосведомленностью пациента, употребляет несуществующие термины, с другой стороны, больной, который приходит в ужас от медицинских слов и за каждым из них видит смертельный диагноз, даже если речь идет об обычном вздутии живота.

Особенностью немецкого языка является его богатый словообразовательный потенциал, который широко используется в анекдотах. Рассмотрим пример, в котором удачно используются особенности словообразования немецкого языка: "Lesen Sie mal die Zahlen da vor!" "Welche Zahlen?" "Na, die an der Tafel da." "Welche Tafel?" "Die an der Wand hängt!" "Welche Wand?" "Mein Herr, Sie brauchen keine Brille, Sie brauchen einen Blindenhund." "Was soll ich denn mit einem blinden Hund?" *(«Прочитайте цифры вон там!» «Какие цифры?» «Ну, те, что на доске». «Какая доска?» «Которая висит на стене!» «Какая стена?» «Господи, Вам не нужны очки, Вам нужна собака-поводырь». «Что мне делать со слепой собакой?»)*

В анекдоте употребляется сложное существительное «Blindenhund», состоящее из двух простых слов: „blind“ (слепой) и „Hund“ (собака). Элемент -en- является соединительным. Дословно это сложное существительное можно перевести как «собака для слепых людей», фактически речь идет о собаке-поводыре. В реплике пациента сложное существительное со значением «собака-поводырь» используется в виде словосочетания „*blinden Hund*“, которое переводится как «слепая собака». Благодаря словообразовательной модификации ситуация, представленная в анекдоте, воспринимается как юмористическая.

Перевод анекдотов, строящихся на особенностях словообразования немецкого языка, чаще всего представляет трудности, т.к. дословный перевод анекдота на русский язык нарушает смысловую целостность текста, убирает эффект комичности и нивелирует жанровые характеристики.

Следует отметить, что немецкие анекдоты также характеризуются широким использованием лексических единиц, противоречащих друг другу. В следующем диалоге словами с противоречащими друг другу значениями являются имя существительное «Alkohol» и имя прилагательное «nüchtern», т.к. там, где есть алкоголь, трезвого человека быть не может. Der Arzt zum Patienten: "Leider kann ich die Ursache Ihrer Krankheit nicht finden, aber vielleicht liegt es am Alkohol." "Gut, dann komme ich wieder, wenn Sie nüchtern sind!"(*Врач пациенту: "К сожалению, я не могу найти причину вашей болезни, но, возможно, это связано с алкоголем". "Хорошо, тогда я вернусь, когда вы протрезвеете!")*

В анекдоте нарушена причинно-следственная связь, она представляется с неожиданной стороны. С позиции врача логическая связь выглядит следующим образом: «Я не могу объяснить причину вашей болезни. Возможно, она кроется в том, что *вы* употребляете алкоголь». Логика пациента такая: «Вы не можете объяснить причину моей болезни, т.к. у *вас* проблемы с алкоголем». В одном и том же диалоге представлены две совершенно разные направленности восприятия. Это связано с отсутствием языковых единиц для уточнения того, у кого конкретно возникла проблема с алкоголем: у врача или пациента. Комического эффекта не было бы, если бы врач уточнил: „Alkohol, *den Sie konsumieren*“ (алкоголь, который вы потребляете).

Анекдот, как любой другой текст, представляет собой единство связных между собой языковых единиц, которые находятся в отношении кореференции. Например, местоимения и синонимы как способы актуализации корефернции, позволяют избежать повтора лексических единиц, способствуют сцеплению языковых единиц в пределах одного текста.

Однако в анекдотах нередко можно наблюдать противоположное явление, а именно стремление избежать замены слов на корефернтные единицы. Это можно рассматривать как особый способ семантической связи между языковыми единицами в тексте, а также как стилистический прием. Например:

Auf der Intensiv-Station ruft ein Sterbender mit Krebs im Endstadium, der Corona-positiv getestet wurde, den Arzt zu sich ans Bett und röchelt ihm zu: "Herr Doktor, schreiben Sie bitte auf meinen Totenschein als Ursache Corona. Die Verwandten müssen nicht wissen, dass ich meine Leber versoffen habe.“ Arzt: "Keine Angst guter Mann, hier sterben alle an Corona.“ (*В отделении интенсивной терапии умирающий с неизлечимой формой рака, у которого был положительный результат на коронавирус, вызывает врача к своей постели и говорит ему хриплым голосом: «Доктор, пожалуйста, запишите в моем свидетельстве корону в качестве причины смерти. Родственникам не обязательно знать, что я пропил свою печень. Доктор: “Не бойтесь, добрый Вы человек, здесь все умирают от короны».)* В тексте многократно повторяется слово «Corona», которое обозначает коронавирусную инфекцию. Здесь нет кореферентных единиц, заменяющих это слово. Именно отсутствия в тексте слова-замены создает комический эффект.

Известно, что анекдот – это отражение в языке явлений, происходящих в обществе. В течение продолжительного времени люди были обеспокоены появлением коронавирусной инфекции и высокой смертностью среди заразившихся «короной». Эта общественная обеспокоенность находит отражение в

анекдотах, т.к. именно анекдот стремится показать социально значимые события и явления сквозь призму комического. Смысл данного анекдота заключается в том, что всё, что врачи не могут объяснить, списывается на коронавирусную инфекцию (…hier sterben alle an Corona), даже когда причина недуга кроется в банальном заболевании печени из-за пьянства пациента (…dass ich meine Leber versoffen habe).

Далее рассмотрим анекдоты, относящиеся ко *второй группе*. В них юмористический эффект не создается языковыми средствами, а «считывается» из контекста в целом благодаря пресуппозиции. В этих анекдотах употребляется, как правило, нейтральная лексика и немаркированные лексико-грамматические языковые средства. Юмор находится на надтекстовом уровне.

В анекдотах этой группы применяется такой способ создания комического, как «обман ожидания», или несоответствие действительности ожидаемому исходу дела [9, с. 11].

Во-первых, это неожиданная реакция врача. Patient: "Herr Doktor, ist diese Operation wirklich notwendig? Ich habe zu Hause drei Kinder zu ernähren!" Doktor: "Tja. mein Lieber, ich auch!" (*Пациент: "Доктор, действительно ли эта операция необходима? У меня дома трое детей, которых нужно кормить!" Доктор: "Ну, дорогой мой, я тоже!"*).

В этом анекдоте юмористический эффект создается благодаря несоответствию ответа врача стандартной, стереотипной реакции. Вместо рассуждений доктора о необходимости операции для улучшения состояния больного или даже, возможно, для спасения его жизни мы видим неожиданную реакцию, которая обескураживает нас и одновременно вызывает улыбку. Оказывается, операция необходима для того, чтобы врач мог прокормить своих детей.

Во-вторых, это противоречие здравому смыслу. В некоторых случаях созданию юмористического эффекта способствует употребление элемента, который кажется противоречащим здравому смыслу, но, в конечном счете, именно он в анекдоте оказывается смыслообразующим элементом. Например: Der Patient sagt zum Arzt: "Ich kann mich zwischen Operation und sterben nicht entscheiden." Darauf meint der Arzt: "Mit ein bisschen Glück können Sie vielleicht beides haben!" (*Пациент говорит врачу: «Я не могу выбрать между операцией и смертью». На это доктор отвечает: «Если немного повезет, возможно, у вас получится и то, и другое!»*)

В этом анекдоте ключевым является слово «Glück» (счастье, удача, везение), которое контекстуально соотносится со словами «Operation» (операция) и «sterben» (умирать). Врач объясняет пациенту, что при определенной доле везения ему не придется выбирать между операцией и смертью, поскольку есть вероятность того, что он умрет во время операции. То, что эта перспектива представляется как удача, воспринимается как юмор (хотя он и черный).

Черный юмор [10, с. 1920] в анекдотах на медицинскую тему можно рассмотреть как один из вариантов несоответствия ожиданий действительности, это своего рода ложная пресуппозиция. Профессия врача связана со стрессовыми ситуациями, поэтому часто именно черный юмор позволяет разрядить обстановку. Шутки над страхами пациента и обесценивание значимых для него жизненных моментов становятся особой темой в медицинских анекдотах. Именно это мы наблюдаем в следующем примере:

"Nur keine Panik", beruhigt der Arzt den Patienten. "Wir haben diese Operation schon 30 mal gemacht. Einmal muss sie ja klappen!"(*"Только без паники", – успокаивает пациента врач. "Мы делали эту операцию уже 30 раз. Когда-то же она должна получиться!")*

Вместо слов одобрения и поддержки пациент слышит то, что он может умереть. Однако совсем неожиданной является ответ врача, который считает, что в этом заключается удача пациента.

В анекдотах второй группы наблюдается выраженная смысловая связь элементов текста. Отсутствие лексико-грамматической связи между репликами компенсируется большой смысловой связанностью текста. Юмор возникает

благодаря неоднозначности интерпретации сложившейся ситуации, как в следующем примере: "Herr Doktor, ich bin nur hier, um mich herzlich zu bedanken." Arzt: "Äh, sind Sie Patient oder Erbe?" *("Господин доктор, я здесь только для того, чтобы выразить свою искреннюю благодарность". Врач: "Э-э, вы пациент или наследник?")*

Врача благодарят за его работу, однако у него нет понимания того, кто это делает: сам пациент или его наследник. Если считать, что благодарность исходит от пациента, то ситуация не вызывает особой реакции, т.к. она является стандартной. Но предположение того, что благодарить доктора может также наследник его пациента, меняет положение дел, поскольку в этом случае возникает мысль о том, что врач не справился со своими профессиональными обязанностями и «потерял» пациента, тем самым открыв благодарному наследнику дорогу к наследству покойного.

Таким образом, необходимость создать на ограниченном текстовом пространстве юмористический текст требует избирательного подхода к выбору употребляемых языковых средств. Как показывает анализ языкового материала, комический эффект может как эксплицитно создаваться на уровне текстового целого, так и имплицитно содержаться на надтекстовом уровне. Лексико-грамматические и словообразовательные средства, с одной стороны, и обман ожидания, несоответствие и ложная пресуппозиция, с другой стороны, являются одинаково эффективными для достижения юмористического эффекта в немецких анекдотах. Эти средства могут употребляться отдельно, но наибольшую силу они имеют при гармоничном сочетании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова Д. В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. – С. 77-80.

2. Veatch T. C. A Theory of Humor // Humor: International Journal of Humor. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2009 Vol. 11 № 2. – P. 161–216.

3. Девкин В.Д. Занимательная лексикология. М.: Владос, 1998 – 312 с.

4. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с. ISBN 5-94457-070-9.

5. Анекдот [Электронный ресурс]. URL: https://witze.net/doktor-witze (дата обращения: 24.09.2024)

6. Буренкова С.В. Жанровые особенности немецких анекдотов // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – Омск, 2017. – №3. – С. 38-41.

7. Собянина В.А. Лингвокультурные особенности профессиональных анекдотов в немецкоязычном интернет-пространстве // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В.Д. Девкина (Абакан, 22– 24 октября 2015 г.). Абакан: Хакасский госуниверситет им. Н.Ф. Катанова, 2015. С. 160–166.

8. Собянина В.А. Языковая репрезентация этностереотипов в немецких анекдотах и шутках (на примере интернет-сайтов) // Известия ВГПУ. Филологические науки. – Вып. 1.– Волгоград, 2018. – С. 125-130.

9. Ширяева Н.В. Лингвокогнитивная репрезентация категории комического в немецком языке (на материале типа текста «анекдот»): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 26 с.

10. Кузовникова Е.Г., Нефедова Л.А. Черный юмор в неформальном академической дискурсе (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Том 15. – Вып. . 2022. – С. 1920–1926.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

811.133.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ИРОНИИ ЧЕРЕЗ КОННОТАТИВНЫЕ АНТОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р. РОЛЛАНА «COLAS BREUGNON»)»

Ларина Татьяна Геннадьевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация
SPIN-код: 4247-6497

Симонов Денис Анатольевич
Преподаватель кафедры зарубежной лингвистики,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию иронии как средства выражения категории связности текста в романе Р. Роллана «Colas Breugnon». Авторы анализируют иронию через призму коннотации, рассматривая ее реализацию с помощью лексических средств выразительности, а именно антонимов, которые используются для создания контраста и передачи скрытых оценочных смыслов. В работе подчеркивается роль иронии в романе не только как стилистического приема, но и как способа более глубокого раскрытия характера главного героя, его отношения к окружающим и к жизни в целом. Исследование основывается на следующих методах: описательный метод; метод контекстуального анализа; метод обобщения при объединении определенных языковых явлений в понятие иронии; метод интерпретации результатов наблюдения; метод компонентного анализа при выделении дифференциальных признаков иронии и интегральных признаков иронически маркированных единиц текста. Все виды анализа художественного текста применялись комплексно.

Ключевые слова: ирония, коннотация, антонимы, художественный текст, Р. Роллан, «Colas Breugnon», французский язык.

REALIZATION OF IRONY THROUGH CONNOTATIVE ANTONYMS IN LITERARY TEXT (BASED ON THE NOVEL «COLAS BREUGNON» BY ROMAIN ROLLAND)

Larina Tatiana Gennadievna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign linguistics,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
SPIN-код: 4247-6497

Simonov Denis Anatolievich
Lecturer of the Department of Foreign linguistics
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The article is devoted to the study of irony as a means of expressing the category of text coherence in the novel «Colas Breugnon» by R. Rolland. The authors analyse irony through the prism of connotation, considering its implementation with the help of lexical means of expression, namely antonyms, which are used to create contrast and convey hidden evaluative meanings. The paper emphasises the role of irony in the novel not only as a stylistic device, but also as a way to reveal more deeply the character of the protagonist, his attitude to others and to life in general. The research is based on the following methods: descriptive method; method of contextual analysis; method of generalisation when combining certain linguistic phenomena into the concept of irony; method of interpretation of the results of observation; method of component analysis when identifying differential features of irony and integral features of ironically marked units of the text. All types of analysis of the artistic text were applied in an integrated way.

Keywords: irony, connotation, antonyms, artistic text, R. Rolland, «Colas Breugnon», French language.

*****

Язык как знаковая система имеет большое влияние на человека, поскольку через лексические единицы можно передать не только объективную информацию о мире, но также личное, субъективное отношение к различным событиям и явлениям. Выражение субъективного отношения приобретает особую значимость в рамках художественного текста, в котором автор имеет возможность имплицитно и экспрессивно выражать оценочные суждения о людях, объектах и феноменах. Одним из лингвистических явлений, способных имплицитно реализовываться в художественном тексте и передавать субъективную оценку, выступает ирония. В настоящее время ирония представляет собой комплексное многоплановое явление, интересующее исследователей в области психологии, философии, языкознания и других наук, которое может рассматриваться в качестве стилистического приема, одного из видов комического, а также сложной текстовой категории, позволяющей передать авторское видение действительности [1]. Выявление иронии в художественном тексте осложняется отсутствием четкого подхода и определения данного понятия в рамках художественного текста.

Также постоянное развитие языка и разносторонний характер воспроизведения объективной реальности способствует возникновению многообразных переносных лексических значений, выражающих скрытые оценочные и экспрессивные смыслы. Ирония как многоплановое явление способна

реализовываться посредством лексических средств выразительности, которые присущи художественному тексту для достижения большей образности. Субъективные компоненты значения лексических единиц рассматриваются рядом исследователей в рамках коннотации, которая также может быть имплицитно выражена в художественном тексте и выражать оценочные и экспрессивные аспекты значения слова [2]. В связи с этим мы рассматриваем возможность реализации иронии в художественном тексте с помощью коннотации, которая является базой для создания лексических средств выразительности, основанных, в частности, на переносе по контрасту (антонимы).

Ирония в таком случае выступает как средство выражения категории связности текста (двух ее аспектов: когезии и когерентности) и поэтому воплощает художественный замысел автора глубже, чем ирония в качестве стилистического приема. В качестве средства выражения категории когезии ирония реализуется при помощи антонимов. Что касается выражения категории когерентности, в этом случае ирония имплицитно передает эмоционально-оценочное отношение, раскрывающееся в разных частях романа Р. Роллана «Colas Breugnon».

Данная работа посвящена анализу реализации иронии посредством коннотации, выраженной через антонимы, которые используются французским писателем Р. Ролланом в романе «Colas Breugnon» для скрытой выразительной передачи образа главного героя произведения. Автор произведения, стилизуя текст под фольклорное повествование, использует современный ему французский язык, обогащенный разговорной и эмоционально окрашенной лексикой. Данный прием, на наш взгляд, позволяет создать яркие образы в произведении, которые могут выражать скрытое оценочное значение, служащее базой для возникновения иронии. В произведении присутствует живая, «колоритная и бойкая» народная речь, а характер главного героя воплощает в себе лучшие черты национального менталитета [3]. Роман, по словам В.Е. Шора, «насквозь пронизан стихией народной речи» [4]. Р. Роллан прибегает к фольклорной стилизации произведения, чтобы превознести с помощью средств художественной выразительности знаменитый «галльский дух» французской нации. Автор избегает полной архаичности языка, поэтому текст написан на современном французском языке. Та архаическая лексика, что изредка встречается в повести, отсылает к писателям XVI в. (Ф. Рабле, М. де Монтень), а также к старинным пословицам и поговоркам, которые давно присутствуют в языке [4, С. 220].

Как указывает В.Е. Шор, образ Кола Брюньона тесно связан с материальной стороной жизни. В связи со «стихийным материализмом» героя, его любовью к жизни и красоте автор выбирает такую лексику, в которой выражалось бы вещественное, конкретное. По утверждению В.Е. Шора, основная черта в стилистике повести – это разговорно-фамильярная речь героев, в которых показывается их простое и непосредственное отношение к жизни [4, С. 221].

Произведение Р. Роллана насыщено эмоционально-экспрессивно окрашенными словами разговорного стиля, рифмами и аллитерациями. Рифмовка приводит к ритмизации языка повести, создает «взволнованную напряженность, приподнятость». Также в произведении присутствует большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок. Р. Роллан использовал много народных пословиц, изменял существующие или даже сочинял самостоятельно. Это свидетельствует о явном желании автора воссоздать дух народной культуры в своем произведении [4, С. 223–224]. Что касается речи героев произведения, В.Е. Шор пишет: «Речь Кола и других народных персонажей стилистически складывается преимущественно из лексики сниженной, порою грубоватой, отличающейся яркой экспрессивностью, которая достигается в одних случаях свежей метафорической образностью слова, в других – заключенными в нем усилительными или оценочными оттенками. <…> Жизнерадостность, веселье, «галльский» юмор, выражающие нравственное здоровье народных героев повести, преломляются в речи Кола, его дочери и других действующих лиц в острых репликах, лукаво- иносказательных оборотах и бесчисленных шутках» [4, С. 222–223].

По мнению К.М. Нартова, речь главного героя наполнена иронией по отношению ко всем аспектам жизни: шутливое восприятие самого себя, насмешливо-шутливое отношение к дочери и жене, «зубоскальство» с друзьями, острая насмешка над господами [5].

Поэтому мы считаем, что следует анализировать именно ту лексику, выражающую иронию, которая раскрывает образ главного героя романа. Данная лексика должна быть связана с характером Кола Брюньона, с восприятием Кола окружающими, с его отношением к своей семье и окружающим его людям, выражать отношение главного героя к жизни в целом.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью иронии как средства выражения категории связности в романе Р. Роллана «Colas Breugnon».

Цель исследования состоит в изучении феномена иронии в художественном тексте, реализуемой при помощи коннотации в лексических средствах выражения, а именно антонимах.

В нашем исследовании мы будем рассматривать иронию в контексте художественного произведения, поскольку именно в нем она, как средство выражения категорий связности текста (когезии и когерентности), выражается имплицитно и позволяет передать описываемую в тексте действительность с помощью оценочности и эмоциональной окраски. Ирония, таким образом, представляет средство выражения текстовой категории связности и состоит в употреблении слова или выражения в скрытом эмоционально-оценочном значении, противоположном прямому значению слова (то есть, контраст между прямым и противоположным значением), которое можно обнаружить лишь в контексте всего художественного произведения.

В данной работе коннотация выступает в качестве одного из лексических средств выражения иронии в художественном тексте. Так как и для иронии, и для коннотации большую роль играют такие компоненты лексического значения слова, как эмоционально-оценочный и эмоционально-экспрессивный, мы также будем опираться на них при рассмотрении художественного текста. Одной из функций иронии является негативная оценка лиц, событий и явлений в соответствии с общепринятыми нормами и ценностями социума [6, С. 123]. В основе же эмоционально-оценочной коннотации, в свою очередь, всегда лежит оценка, являющаяся «фундаментом порождения коннотативных смыслов» [7]. Оценочное отношение к какому-либо явлению или объекту, положительное или отрицательное, часто связывается с эмоциональной стороной, так как большая часть эмоций основывается на оценочной деятельности сознания [8]. Что касается эмоционально-экспрессивного компонента, в нем не оценка превалирует над отношением к референту, а главенствующая роль отдана усилению какого-либо признака, что особенно ярко выражается в изобразительных и выразительных средствах речи.

Таким образом, данное исследование рассматривает в качестве основных лексических средств реализации иронии в художественном тексте коннотацию, которая может проявляться в коннотативном (эмоционально-экспрессивном и эмоционально-оценочном) значении, а именно в антонимах. Принимая во внимание такую функцию иронии как эмоционально-оценочную, мы считаем необходимым изучать реализацию иронии посредством коннотации. Антонимы способны выражать иронию посредством противоположных отношений между значениями двух слов.

Обратимся к анализу антонимов как к лексическому средству выражения иронии в художественном тексте.

Рассмотрим слова Мартины, дочери Кола Брюньона, которые она говорит о своем отце: «Innocent, tête folle! Ardez le bel *agneau*!.. *Agneau* de Chamoux, n'en faut que trois pour étrangler un *loup*» [9, P. 18] – «Невинный, сумасшедшая голова! Хватайте хорошего *ягненка*!.. *Ягненок* из Шаму, хватит таких троих, чтобы удавить *волка*». Здесь представлены, на наш взгляд, контекстные антонимы *agneau – loup* (ягненок – волк). Слово «agneau» имеет переносный смысл: «Qui présente des traits de caractère traditionnellement attribués à l'agneau (douceur, innocence, naïveté, timidité)» [10] – «Кто

представляет черты, традиционно приписываемые ягненку (мягкость, невинность, наивность, застенчивость)». Слово «loup», в свою очередь, может иметь следующее значение: «Homme malfaisant et cruel» [11] – «Зловредный и жестокий человек». Мы видим, что данные антонимы выражают контраст между невинным поведением человека и противоположным жестоким. В данном примере ирония проявляется как средство выражения категории связности текста, которое можно выделить исходя из широкого контекста. Здесь ирония заключается в том, что Кола Брюньон пытается выглядеть невинным человеком, хотя на самом деле является жестоким, и это объясняется тем, что слово «agneau» иронически выражает полностью противоположный смысл своему переносному значению «невинный человек».

Также коннотативные антонимы как средство выражения иронии встречаются и в других контекстах. Вспоминая молодость и первую любовь, Кола и Ласочка говорят о драке, которую Кола затеял со своим другом из-за нее, девушки, в которую оба были влюблены. И Ласочка говорит следующее: «Ah! <...> ce maître <...> ne savait déjà plus pourquoi s'était battu, et bras dessus bras dessous, avec le *loup* s'enfuit (ah! le lâche! le lâche!), fuit devant la *brebis*!» [9, P. 86] – «Ах! <...> этот господин <...> уже даже не знал, почему дрался, и под руку с *волком* сбежал (ах! трус! трус!), сбежал от *овечки*!». Мы уже рассматривали выше слово «loup» в значении «зловредный и жестокий человек», но в данном предложении, на наш взгляд, проявляется немного иной коннотативный аспект значения слова: «Personne qui représente un danger» [10] – «Человек, представляющий опасность». Слово «brebis» («овечка») употреблено в следующем значении: «Personne d'une innocence, d'une douceur exceptionnelle» [10] – «Человек исключительной невинности и мягкости». Как мы видим, здесь вновь представлены контекстные антонимы *loup – brebis*, противопоставляющие опасного человека и кроткого, практически как в предыдущем примере. Однако мы видим, что Кола поступил наоборот, когда «под руку с волком сбежал от овечки» («bras dessus bras dessous, avec le loup s'enfuit devant la brebis»), то есть, ирония заключается в том, что для него опасный человек не представлял зла, в то время как невинный и кроткий казался угрозой. Ирония здесь, таким образом, выражает посредством антонимов, противопоставление между истинными характерами друга Кола и его возлюбленной. В следующем предложении представлено, на наш взгляд, ироническое противопоставление, выраженное лишь одним словом из контекстной антонимической пары, в то время как второй член пары присутствует имплицитно и в сознании читателя. Так, рассмотрим предложение, в котором выражается отношение Кола Брюньона к жене: «Hai! comme elle se démène, notre *Marie-manque-de-grâce*, remplissant la maison de son corps efflanqué, furetant, grimpant, grinchant, grommelant, grognant, grondant, de la cave au grenier, pourchassant la poussière et la tranquillité!» [9, P. 7] – «Ай! как она суетится, наша *не-благодатная-Мария*, наполняя дом своим тощим телом, всюду роясь, лазя, ворочаясь, бормоча, ворча, бранясь, от подвала до чердака, преследуя пыль и покой!». Авторское выражение «Marie-manque-de-grâce» является контекстным антонимом к существующему устойчивому библейскому выражению «Marie pleine de grâce» [12], которое использовано ангелом Гавриилом во время Благовещения, возвещая Деве Марии о будущем рождении Иисуса Христа. Противоположное по смыслу выражение, которым Кола называют свою жену, выражает иронию, поскольку Кола насмешливо говорит о беспокойном и сварливом характере жены, совершенно не похожей на Деву Марию.

Также ирония с помощью антонимов выражается в следующем предложении, где представлен метафорический образ свадьбы двух знатных людей как охоты: «Mais je n'en vis pas davantage de la *chasse* et de la *curée*, du *piqueur* et de la *piquée*, et ne saurais même décrire (ce n'est pas pour m'en vanter) la couleur des habits du sire et la robe de la mariée» [9, P. 58] – «Но толком я не разглядел ни *охоты*, ни *дичи*, ни *стрелка*, ни *пристреленной*, и не смог бы даже описать (это я не хвастаюсь) цвет наряда сударя и платья у невесты». Здесь присутствует две пары антонимов: *chasse — curée* и *piqueur — piquée*. Значение слова «chasse» следующее: «ensemble de ceux qui prennent part à une chasse» [11] – «все, кто принимает участие в охоте», поскольку

главный герой наблюдал уже непосредственно саму свадьбу (или же «охоту»), а не процесс ухаживаний жениха за невестой (то есть «преследование» охотником дичи). Слово «curée» означает: «Portion de la bête tuée que l'on donne aux chiens de chasse» [13] – «Часть убитого животного, которую отдают охотничьим собакам». Данные контрадикторные антонимы реализует иронию, которая выражает скрытое значение «жених» и «невеста». Что касается пары *piqueur – piquée*, данные слова означают соответственно «Valet qui poursuit la bête à cheval» [13] – «Лакей, который преследует на лошади зверя» и «Entamé ou percé, parlant de la peau de quelqu'un, d'un animal, avec quelque chose de pointu» [11] – «Порезанный или проткнутый, говоря о чьей-то коже или коже животного, чем-то острым». В данном случае мы также наблюдаем контрадикторные антонимы, которые иронически представляют образ жениха и невесты через охотника и его «проткнутую» добычу. В следующем примере мы наблюдаем, как самоирония Кола Брюньона тесно связана с его воспоминанием о своей первой любви и его поведении в молодости: «Enfin, je *triomphai*, c'est-à-dire que je *m'enfuis*» [9, P. 73] – «Наконец, я *восторжествовал*, то есть *сбежал*». Слово «triomphen» («восторжествовать») употреблено в значении «Remporter un très grand succès, un triomphe» [1 1] – «Иметь очень большой успех, триумф». Слово «s'enfuir» («сбежать, убежать») в данном предложении означает «Quitter volontairement, rapidement et le plus souvent subrepticement un lieu, prendre la fuite» [11] – «Добровольно, быстро и чаще всего тайно покинуть какое-либо место, обратиться в бегство». Поэтому лексические единицы «triomphai – m'enfuis» являются контекстными антонимами, поскольку «успехом» для молодого Кола было «бегство», и выражают самоиронию главного персонажа.

Исходя из анализа антонимов, выражающих иронию в художественном тексте, мы можем сделать вывод, что наиболее часто ирония проявляется в контекстуальных антонимах, поскольку именно данный тип антонимов позволяет автору текста создать наиболее яркий и запоминающийся образ, который ирония впоследствии усиливает благодаря нахождению в широком контексте.

Итак, ирония предстает как многоуровневое явление, свойственное художественному тексту, благодаря выявлению которого раскрываются детали произведения. Так, в ходе анализа коннотативных средств выражения иронии было установлено, как в ходе повествования меняется отношение главного героя произведения к своей жене. Скрывая истинный смысл своих негативных слов за иронией, Кола Брюньон выражает положительное отношение к жене. Ирония, проявляясь в разных эпизодах романа, связывает их между собой общим насмешливым тоном, в то время как ее отсутствие в один из острейших моментов повествования – смерть супруги – создает яркий контраст между привычным ироническим отношением и необычной серьезностью момента. Ирония выступает как инструмент противопоставления не только внутри слова или предложения, но и в рамках широкого контекста произведения.

Также в ходе исследования было обнаружено, что ирония является основой для выражения насмешливого отношения Кола Брюньона к окружающим его людям, что позволяет рассматривать иронию в качестве одного из способов воплощения художественного образа персонажа. В свою очередь, иронически маркированная лексика, используемая другими героями романа по отношению к Кола Брюньону, выражает положительное оценочное суждение о нем, скрытое за внешним отрицательным оценочным отношением. Имплицитная оценка, выраженная иронией, позволяет рассматривать художественный текст на более глубоком уровне содержания и раскрывать новые стороны произведения.

Посредством контекстных коннотативных антонимов ирония может быть выражена гораздо реже, чем с помощью других средств выразительности, однако анализ антонимов, реализующих иронию, позволяет рассматривать данное явление в широком контексте, поскольку именно контекстуальные антонимы создаются автором текста для более полного выражения художественного замысла, что обосновывает иронию как средство выражения текстовой категории связности, обнаруживаемое в контексте эпизодов романа или даже целого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудникова Л.В., Шевченко М.С. О некоторых особенностях реализации иронии в художественном тексте / Дудникова Л.В., Шевченко М.С. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – С. 38–45.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Телия В.Н. // М., 1986. 141 с.
3. Трыков В.П. Роллан Ромен. Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь: В 2-х частях. Ч. 2: М–Я. / Трыков В.П. // М.: Издательство Просвещение, 1997. – С. 202–207.
4. Шор В.Е. «Кола Брюньон» на русском языке / Шор В.Е. // Мастерство перевода, №7. Л.: Сов. писатель, 1970. – С. 219–267.
5. Нартов К.М. Зарубежная литература в школе / Нартов К.М. // М.: Издательство Просвещение, 1976. – 288 с.
6. Солодилова И.А. Оценочность иронических смыслов / Солодилова И.А. // Вестник ОГУ. – 2014. – №11 (172). С. 121–27
7. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы [Электронный ресурс]. Язык и текст. 2015. Режим доступа: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml (Дата обращения: 10.11.2024).
8. Солодилова И.А., Шепеля И.В. Оценочность и эмотивность в семантике слова / Солодилова И.А., Шепеля И.В. // Вестник ОГУ. – 2015. – №11 (186). С. 172–178.
9. Rolland R., Colas Breugnon, Récit bourguignon / Rolland R. // ALBIN MICHEL, 1919. – 218 p.
10. TLFi : Trésor de la langue française. – Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. Режим доступа: (Дата обращения: 11.12.2024).
11. Dictionnaire français. Dictionnaires Larousse français monolingue et bilingues en ligne [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (Дата обращения: 11.12.2024).
12. Ecole biblique de Jérusalem, Dictionnaire Jésus. Paris, Laffont, 2021. – 1274 p.
13. Dictionnaire français. Le Robert Dico en ligne [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dictionnaire.lerobert.com/ (Дата обращения: 11.12.2024).

УДК 81

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Луговская Марина Юрьевна
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия,
ORCID 0009-0000-1023-2559

В статье рассматриваются окказионализмы М.И. Цветаевой, образованные лексико-синтаксическим способом; осуществляется теоретическое осмысление феномена окказиональной лексики данного типа; анализируются онтологические, этимологические и типологические основания указанных индивидуально специфических для авторской манеры М.И. Цветаевой языковых единиц с выраженными изобразительно-выразительными качествами. Особое внимание в исследовании уделено анализу лексико-синтаксических окказионализмов как проявления мультилингвальности идиостиля поэтессы, ее способности творчески перерабатывать языковой материал различных языковых систем, подчиняя его задаче формирования уникального художественного образа. Автор статьи рассматривает тезаурус, связанный с научным осмыслением лингвистического феномена лексико-синтаксических окказионализмов, а также дает характеристику его ключевых элементов, отмечая усиление тенденции генерации определенного вида окказионализмов не только в творчестве русских и зарубежных философов, писателей и поэтов прошлого века, но и в текстах современных публицистов, журналистов и блогеров.

Ключевые слова: окказионализм, классификация окказионализмов, лексико-синтаксический окказионализм, теория окказиональности, неология, идиолект М.И. Цветаевой, трилингвизм, мультилингвизм.

LEXICO-SYNTACTIC OCCASIONALISMS IN THE WORK OF M.I. TSVETAEVA AS PART OF THE MODERN MULTILINGUAL TREND

Marina Yu. Lugovskaya
Baikal State University, Irkutsk, Russia,
ORCID 0009-0000-1023-2559

The article examines M.I. Tsvetaeva's occasionalisms, formed in a lexico-syntactic way; a theoretical understanding of the phenomenon of occasional vocabulary of this type is carried out; the ontological, etymological and typological foundations of the indicated linguistic units with pronounced visual and expressive qualities, individually specific to the author's manner of M.I. Tsvetaeva, are analyzed. Special attention is paid to the analysis of lexical and syntactic accidents as a manifestation of the multilingual idiosyncrasy of the poetess, her ability to creatively process the linguistic material of various language systems, subordinating it to the task of forming a unique artistic image. The author of the article examines the thesaurus associated with the scientific understanding of the linguistic phenomenon of lexico-syntactic accidents, and also describes its key elements, noting the increasing tendency to generate a certain type of accidents not only in the works of Russian and foreign philosophers, writers and poets of the last century, but also in the texts of modern publicists, journalists and bloggers.

Keywords: occasionalism, classification of occasionalisms, lexico-syntactic occasionalism, theory of occasionality, neology, idiolect of M.I. Tsvetaeva, trilingualism, multilingualism.

*****

Двойственная природа лексико-синтаксических окказионализмов (ЛСО), образованная, как явствует из названия данного типа индивидуально-авторских неологизмов, на стыке двух языковых уровней (лексического и синтаксического) определяет их специфику функционирования в системе языка. Именно двойственность природы окказионализмов, по нашему мнению, должна лежать в основе их лингвистического анализа. Способ образования окказионализмов типа ЛСО часто имеет вид конструкций присоединения через дефис: например, *белая-свет-пустыня, на-Марс, вроде-дача*.

Полный список ЛСО, принадлежащих авторству М.И. Цветаевой, был описан и изучен нами в ходе работы над диссертационным исследованием [1; 2]. Эмпирической базой при этом послужили: собрание сочинений поэтессы (в семи томах), ее неизданные «сводные тетради», семейная переписка и записные книжки, собранные в однотомные издания, подводящие логический итог творческому наследия этого выдающегося автора-экспериментатора эпохи Серебряного века русской поэзии.

Массив ЛСО, встречающихся в творчестве М.И. Цветаевой, насчитывает более шестисот единиц (сплошная выборка фиксирует, по нашим данным, в общей сложности 654 окказионализма рассматриваемого типа).

Ряд лингвистов – исследователей процессов развития современных европейских языков, анализирующих ведущие узуальные и окказиональные тенденции, в один голос констатируют не просто наличие ЛСО в художественных произведениях многих авторов, но и их широкое распространение в идиолектах в целом – в публицистике и журналистике. Так, Н.А. Николина отмечает, что «одним из активных процессов в современной русской письменной речи является регулярное образование и интенсивное употребление дефисных комплексов разной структуры» [3, с. 467]. В свою очередь Е.Б. Китова в качестве самостоятельной тенденции указывает на стремление ряда литераторов «с помощью графического образа выразить эмоциональное состояние и отношение автора сообщения к ситуации, описание которых в традиционном тексте потребовало бы значительно большего времени и усилий» [4, с. 551].

Аналогичную картину, но уже в пространстве английского языка, наблюдал В.В. Иванов, поясняя отношение зарубежных лингвистов к данной проблематике таким образом: «некоторые из моих американских друзей разуверяли меня в значимости приема, по их мнению, вульгарного. Но в последние годы я убедился, как часто он проникает в ежедневную печать (особенно в газетные и журнальные заголовки), да и в некоторые литературные сочинения» [5, с 43]. Исследователь добавляет, что подобная «тенденция кажется принадлежащей не одному автору и языку, а эпохе, создававшей тексты на разных европейских языках. Подобные словообразования, нередкие в немецком классическом философском языке, стали почти неизменной принадлежностью рассуждений Хайдеггера. <…> Другим источником отчасти подобных сочетаний явились принятые в немецкой поэзии и художественной прозе сложные слова (см. выше о Гете); эта тенденция, укрепившаяся у позднего Рильке, позднее достигает вершины в поэзии Целана. В русской философской литературе подобные построения под возможным влиянием немецкого (но и греческо-церковнославянской традиции) находим у Флоренского, тогда как в языке Цветаевой сходные словосложения иной раз разительно напоминают новообразования Хайдеггера» [там же, с. 45].

Таким образом, наши выводы относительно своеобразия ЛСО уточняются и конкретизируются позицией признанных специалистов в теории художественной словесности, что дополнительно указывает на перспективы исследования ЛСО в русском языке.

Целью настоящей статьи выступает уточнение институционального статуса ЛСО в творчестве М.И. Цветаевой, а также в системе русского языка в целом.

Задачи исследования предполагают:

1) уточнение генетических основ (генетического профиля) ЛСО из языкового багажа М.И. Цветаевой;

2) исследование терминологии, связанной с теоретическим базисом ЛСО;

3) характеристику проблемной области создания и функционирования ЛСО другими авторами на современном этапе развития русского языка.

Гипотеза исследования заключается в том, что ЛСО в составе языковых изобразительно-выразительных средств М.И. Цветаевой хотя и являются яркой чертой ее текстов (причем нередко цветаевские ЛСО создаются по оригинальным словообразовательным моделям), но в контексте развития систем некоторых современных языков, преимущественно западноевропейских, и в контексте эволюции современного интернет-дискурса, отражающего нынешний этап модернизации языка, ЛСО оказываются явлением скорее относящимся к мейнстриму, нежели иллюстрирующим уникальную особенность языка М.И. Цветаевой, репрезентирующим, по-видимому, современную всеобщую мультилингвальную тенденцию синтезирования языковых единиц.

Методологию нашего исследования составили анализ научной лингвистической литературы по теме исследования; лингвистический анализ текстов; метод сплошной выборки рассматриваемых лингвистических феноменов; описательный метод; метод систематизации; системно-структурный подход; нормативный и функциональный анализ; анализ словообразования, а также элементы описательной статистики.

Межуровневый характер строения ЛСО, на наш взгляд, представляет собой наиболее актуальное направление для научного поиска. Однозначно определить статус ЛСО в систематике языка довольно трудно: придется рассматривать это явление с теоретико-методологической точки зрения, привлекая при этом анализ обширного языкового материала. В этой связи заметим, что по поводу способа формирования данных языковых единиц до сих пор ведется активная научная полемика. Интерес к данной теме объясняется тем фактом, что в современной зарубежной и русскоязычной художественной литературе (в особенности в публицистике) количество ЛСО постоянно растет.

В рамках русского словообразования авторские окказионализмы традиционно выделяют в самостоятельную группу, отличая их от нормативного словосложения. Авторские ЛСО рассматриваются как специфические, креативные отклонения от узуса. По этой причине исследование структурно-семантического поля ЛСО логично выстроить сонаправленно вектору поиска коренных, «генетических» доминант и типологии, классифицирующей ЛСО по соответствующим критериям. По нашему мнению, реализовать такой подход можно, опираясь на предположения о латентном содержательном наполнении этих языковых единиц, поскольку, как полагают некоторые ученые – в частности, Л.В. Зубова, – «вопрос об интуитивном и сознательном элементах творческого процесса сложен и однозначного решения не имеет» [6, с. 6].

Исследователями творчества М.И. Цветаевой неоднократно отмечалась специфическая черта ее художественного мировоззрения – способность творчески переосмысливать систематику языкового материала, с которыми она была знакома (русской, немецкой, французской). Это же качество в полной мере относится и к лексико-синтаксическим единицам (узуальным и окказиональным), присутствующим, в том числе, в трех вышеперечисленных языках. М.И. Цветаева создала на их основе внушительный по объему и поэтическому своеобразию массив ЛСО, как структурно и семантически соответствующих имеющимся в указанных языках словообразовательным моделям, так и оригинальных (образованных по уникальным, зачастую единичным, моделям). Существует точка зрения (см. у О.В. Глуховой), что в процессе литературного перевода с одного языка на другой в рамках родного (естественного) языкового пространства формируется «коммуникативно равноценный текст» [8, с. 720]; у М.И. Цветаевой в ряде случаев ЛСО знаменуют собой специфический способ перевода лексических единиц с т.н. «ангельского» (немецкого) языка на русский, что, впрочем, не выглядит в ткани ее

поэтических работ чужеродным явлением и, возможно, является отдельным направлением лингвистического анализа цветаевской поэзии, поскольку, как справедливо утверждает О.С. Зубкова, «количество билингвов в мире значительно превосходит количество монолингвов, поэтому билингвальный контекст является актуальным для проведения разного рода исследований» [7, с. 712].

По мнению Е. Н. Синкевича, «многократное использование «схем» известных или впервые найденных наименований позволяет отметить факт номинации по аналогии, то есть процессы деривации одной формы по типу и подобию другой» [9, с. 110]. Очевидно, что сознание носителей языка легко оперирует грамматическими и синтаксическими конструктами, а также содержащимися в генетической памяти словообразовательными моделями, актуализируя их в нужный момент, в том числе для создания по их образцу новых лексических единиц. Залогом инноваций в языке, в том числе на лексическом уровне, выступает усвоенное носителем языка многообразие возможных связей, существующих между иерархически соподчиненными элементами языковой системы, которые могут комбинироваться, тем самым создавая новые укрупненные лексические единицы и новые смыслы.

Индивид с развитыми творческими способностями эффективно использует имеющиеся в языке готовые модели словообразования, нередко воспринимая их как матрицу (шаблон), которая с известной долей гибкости может применяться в различных языковых ситуациях; как основу, которую не обязательно следует воспроизводить с буквальной точностью. Рассматривая такие грамматические модели в качестве отправной точки в процессе лингвистического поиска, разум творческой личности преобразует их природу на основе и в соответствии со своими эстетическими и когнитивными представлениями, а также конкретными творческими задачами.

Модернизм начала XX века – это время не только цветаевских экспериментов с языком. Многие прозаики и поэты того времени рассматривали язык не как «раз и навсегда заданную» систему, требующую учета всех закономерностей ее функционирования, а как пластичную, поддающуюся литературному переосмыслению материю, «живой» материал, подвластный человеческому гению.

В цветаевском поэтическом эксперименте, связанном с созданием ЛСО, с одной стороны, просматривается творческое постижение безграничных возможностей русской языковой системы, а с другой – авторское волевое начало – стремление перестроить конституцию языка – представить его в обновленном формате. Наложение этих двух тенденций в обращении с языковой реальностью, по всей видимости, и сделало возможным проявление у М.И. Цветаевой таких одновременно и естественных (простое соединение словосочетание дефисом в одну лексему), и структурно причудливых лексических конструкций.

Нужно заметить, что ЛСО обнаруживаются в творчестве многих немецкоязычных авторов. Так, А.Г. Чебан отмечает их присутствие в трудах Мартина Хайдеггера – выдающегося философа-экзистенциалиста прошлого века, квалифицируя его ЛСО как окказионализмы, среди которых есть сдвиги (*das Ich-denke-Einheit*), сращения (*die In-sich-selbst-süchtigen*) и аномальные структуры (*Daheit*) [10]. О «языковой игре» и об активной разработке ЛСО пишет и С.Н. Бредихин, подчеркивая смыслообразующий характер авторских слов указанного философа [11]. С.Н. Исакова также исследует окказиональное словосложение в немецкой художественной литературе и обращает внимание на тот факт, что строение немецкого языка располагает к созданию ЛСО; в подтверждение своих взглядов она приводит данные о наличии сотен таких лингвистических образований (в основном вида «сдвиг») у И. Бехера (das Anderswerden), Т. Манна (der Nichts-als-Mann), Э. Штриттматтера (Baumwurzelfinger) [12]. Е.Л. Лысенкова и А.Е. Подлесная исследуют подобные структуры в идиостиле Р.М. Рильке, обнаруживая по большей части сращения – субстантивированные инфинитивы (das Sich-Niederlassen) – и отмечая подчеркнуто экзистенциональный характер окказионализмов поэта [13]. Множественные факты творческого культивирования ЛСО в немецкоязычной

литературе указывают на гармоничное встраивание этого направления лингвистического творчества в механику языка.

В связи с углубленным изучением функционирования в языковом пространстве феномена ЛСО целесообразно сослаться на исследование И.А. Ковыневой «Голофразис как способ словообразования в русском языке», в котором системному анализу подвергается феномен ЛСО в контексте русской речи [14]. И.А. Ковынева – ученица известного специалиста и систематизатора способов окказионального словообразования доктора филологических наук, профессора Орловского государственного университета В.П. Изотова (его сфера научных интересов отражена в авторской диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Параметры описания системы способов словообразования: на материале окказиональной лексики русского языка» [15]). И.А. Ковынева последовательно разрабатывает теорию голофразиса в русском языке, опираясь на пятикомпонентное описание способов словообразования, разработанное ее научным руководителем, и, соответственно, определяет голофразис как «несмешанный потенциальный синтаксический синтагматический способ словообразования, состоящий в создании слова путем сращения (слияния) простого или сложного предложения или любых их частей, обладающий способностью к комбинированию с реально существующими способами и гипотетическими возможностями» [14, с. 131]. Надо сказать, что сам термин «голофразис» заимствован из романо-германской словообразовательной традиции (этот факт отмечает сама И.А. Ковынева). Но особенность научного подхода И.А. Ковыневой состоит в том, что, по ее мнению, голофразис как лингвистическая категория может быть поставлен в соответствие и ЛСО. Учитывая всё более широкое обращение к этому способу окказионального словообразования (фиксирующееся с конца XX века) в текстах различной направленности на английском, немецком, русском и др. европейских языках, можно говорить об оправданности распространения поля значений данного термина и на сферу русского словообразования. Плодотворное использование в методическом аппарате отечественной филологии данного термина, на наш взгляд, открывает новые горизонты лингвистических исследований.

В 2017 году, развивая данное направление научных изысканий, И.А. Ковынева проанализировала голофрастические конструкции, в том числе и в творчестве М.И. Цветаевой [16], обратив внимание на наличие в цветаевских произведениях, ЛСО (которые она квалифицировала как голофразис). Однако, как представляется, при использовании категории «голофразис» в контексте русского языка важным обстоятельством является то, что и диахронически, а порой и синхронически голофразис не всегда подразумевает в конструктивном отношении то, что в рамках русского словообразования принято называть лексико-синтаксическом способом (или сращением).

В своей основе голофразис – это вид развернутого эпитета, традиционно изучаемого в пространстве английского словообразования, синтаксиса и стилистики как изобразительно-выразительное средство. Исследование А.А. Алешиной, выполненное на материале романа «The devil wears Prada» английского писателя L. Weisberger, подтверждает основную функцию голофразиса – служить в большинстве случаев окказиональным атрибутом. Статистические подсчеты голофрастических конструкций в данном романе показывают, что доминирующей синтаксической функцией голофразиса является функция определения (84,21%), значительно реже голофразис выступает в роли обстоятельства (7,02%), дополнения (5,26%), предикативного члена (1,75%), обращения (1,75%) [17, с. 116]. Цветаевские же ЛСО, а также ЛСО некоторых немецких писателей далеко не всегда играют роль окказиональных атрибутов. Более того, эту синтаксическую функцию они выполняют довольно редко. Поэтому необходимо продолжить исследования в части выявления специфики функционирования в русскоязычной литературной речи лингвистического феномена, обозначаемого различными терминами – голофразис, лексико-синтаксический способ словообразования, сращение и мн.

др. Потребность в такого рода исследованиях объясняется тем, что русский язык, находясь в фазе активной модернизации последние несколько десятилетий, наработал колоссальный эмпирический материал в этой предметной области, восприняв при этом опыт реализации подобных лингвистических конструктов из практики письменной речи ряда других языков, что дополнительно выделяет проблематику, касающуюся мультилингвальной тенденции в эволюции феномена ЛСО, а также выявления отличий русского креативного словообразовательного подхода от соответствующей зарубежной практики.

Исследование лексико-синтаксических слов, как узуальных, так и окказиональных, представляется перспективным направлением научного поиска в связи с тем, что в настоящее время наблюдается расширение использования ЛСО как специфического типа языковых изобразительно-выразительных средств многими литераторами, а также журналистами и блогерами. Современным лингвистам еще только предстоит провести глубокий научный анализ этой словообразовательной тенденции, возможно, разработав самостоятельную теорию ЛСО как лингвистического явления, тяготеющего, с одной стороны, к закономерностям функционирования определенной языковой системы, а с другой стороны, – к креолизации. Причем такие лингвистические исследования, несомненно, должны быть увязаны с имплементацией в их методологический аппарат сравнительно-сопоставительного и дискурсивного подходов, инструментов изучения идиолектов и идиостилей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарынская, М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.

2. Нарынская, М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – г. Ростов-на-Дону, 2004. – 216 с.

3. Николина, Н. А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского; Серия «Языкознание и литературоведение». – 2011. – № 6(2). – С. 467–469.

4. Китова, Е.Б. Англоязычные аббревиатуры как сфера языкового творчества // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 3. – С. 547–552. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).547-552. – EDN OGCABP.

5. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

6. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: лингв. аспект. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.

7. Зубкова, О.С. Идентификация гастрономической метафоры в условиях естественного билингвизма / О.С. Зубкова, Т.В. Максимова // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 4. – С. 711–718. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).711-718. – EDN XKYSMS.

8. Глухова, О.В. Вопросы переводимости с позиций современной когнитивной лингвистики // Известия Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 34, № 4. – С. 719–731. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).719- 731. – EDN TUHAGC.

9. Синкевич, Е.Н. Аналогия в структуре и семантике новообразований // Номинация в словообразовании (немецкий язык): сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – С. 109–118.

10. Чебан, А.Г. Продуктивные словообразовательные модели новообразований в философских произведениях М. Хайдеггера // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12. – URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61484 (дата обращения: 19.07.2024).

11. Бредихин, С.Н. «Языковая игра» как лингвистический феномен: на материале философских текстов М. Хайдеггера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 26 с.

12. Исакова, С.Н. Окказиональная лексика немецкого языка // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2006. – С. 165–171.

13. Лысенкова, Е.Д. Окказионализмы Р.М. Рильке как отличительная черта идиостиля поэта / Е.Д. Лысенкова, А.Е. Подлесная // Globus. – 2019. – №10 (43). – С. 19–21.

14. Ковынева, И.А. Голофразис как способ словообразования в русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01. – Орел, 2007. – 175 с.

15. Изотов, В.П. Параметры описания системы способов словообразования: на материале окказиональной лексики русского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Орел, 1998. – 341 с.

16. Ковынева, И. А. Голофрастические конструкции в поэзии М.И. Цветаевой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 75–78.

17. Алешина, А.А. Классификация голофрастических конструкций в английском языке (на материале романа L. Weisberger «The devil wears Prada») // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – С. 115–117.

18. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. – Москва: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 1–7.

19. Цветаева, М.И. Неизданное. Семья: история в письмах. – Москва: Эллис Лак, 1997. – 640 с.

20. Цветаева, М.И. Неизданное. Сводные тетради. – Москва: Эллис Лак, 1999. – 592 с.

21. Цветаева, М. И. Неизданное. Записные книжки. – Москва: Эллис Лак. – 2001–2002. – Т. 1–2.

УДК 811.11

ЯЗЫКОВЫЕ ШТАМПЫ И КЛИШЕ В РЕЧИ СОТРУДНИКОВ МВД

Перепелицына Юлия Ростиславовна
Преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Ставрополь, Россия

Етко Анна Геннадиевна
Доцент департамента лингвистики факультета международных отношений, кандидат филологических наук
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Иванова Ольга Яковлевна
Доцент кафедры Гуманитарных и математических дисциплин,
кандидат филологических наук,
Невинномысский технологический институт
Северо-Кавказского федерального университета,
г. Невинномысск, Россия

Использование профессиональных штампов и клише в речи сотрудников МВД имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, они обеспечивают точность и единообразие в передаче информации, помогают соблюдать процессуальные нормы и поддерживать профессиональный имидж. С другой стороны, чрезмерное использование штампов может привести к обезличиванию общения, затруднению понимания для граждан и созданию барьеров в коммуникации. В статье рассматриваются основные виды и функции языковых штампов и клише в речи сотрудников МВД, а также их влияние на эффективность профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: языковые штампы, клише, лексика, речь сотрудников МВД, культура речи.

LANGUAGE CLICHES AND CLICHES IN THE SPEECH OF INTERIOR MINISTRY EMPLOYEES

Perepelitsyna Yulia Rostislavovna
Lecturer of the Department of Socio-economic and Humanitarian Disciplines, Candidate of Philological Sciences,
Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russia

Etko Anna Gennadievna
Associate Professor of the Department of Linguistics at the Faculty of International Relations, Candidate of Philological Sciences, North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Ivanova Olga Yakovlevna
Associate Professor of the Department of Humanities and Mathematics,
Candidate of Philological Sciences, Nevinnomyssk Institute of Technology,
North Caucasus Federal University,
Nevinnomyssk, Russia

The use of professional cliches and cliches in the speech of Interior Ministry employees has both positive and negative aspects. On the one hand, they ensure accuracy and uniformity in the transmission of information, help to comply with procedural rules and maintain a professional image. On the other hand, excessive use of stamps can lead to depersonalization of communication, make it difficult for citizens to understand, and create barriers to communication. The article examines the main types and functions of linguistic cliches and cliches in the speech of Interior Ministry employees, as well as their impact on the effectiveness of professional communication.

Keywords: language cliches, cliches, vocabulary, speech of employees of the Ministry of Internal Affairs, culture of speech.

*****

Речь сотрудников Министерства внутренних дел (МВД) является важным аспектом их профессиональной деятельности, отражающим не только уровень их коммуникативной компетенции, но и специфику работы правоохранительных органов в целом. Языковая личность полицейского всегда находится в центре внимания, а его речевая деятельность является ориентиром поведения, так как вся профессиональная деятельность сотрудников МВД имеет коммуникативную направленность [4, с. 74]. Одной из характерных особенностей этой речи являются языковые штампы и клише, которые широко, а подчас и чрезмерно, употребляются полицейскими, что вполне обоснованно вызывает неоднозначную оценку исследователей в области культуры речи. Это определяет актуальность данного научного исследования.

Объектом данного исследования являются языковые штампы и клише в речи сотрудников МВД, *предметом* – разнообразие их функций.

Авторы данного исследования доказывают, что языковые штампы и клише являются неотъемлемой частью профессиональной речи сотрудников МВД, тем не менее злоупотребление ими неизбежно ведет к снижению эффективности коммуникации и негативному восприятию правоохранительных органов обществом – это и является целью данной статьи.

В процессе исследования авторами поставлены и решены следующие задачи: проанализировать разнообразие языковых штампов и клише в речи полицейских, выявить, на какие категории они делятся и какие функции выполняют.

Методы исследования. Для решения поставленных задач и достижения обозначенной в исследовании цели авторами статьи использовался ряд научных методов: методы синтаксического, стилистического и семантического анализа, а также метод классификации.

Проблема культуры речи сотрудников полиции освещалась в научных работах В.В. Бойченко [1], Ю.А. Воронцовой и Е.Ю. Хорошко [2], М.Н. Пановой [11] и др., но вопрос употребления полицейскими языковых штампов и клише освещен недостаточно и требует более детального изучения.

Многие штампы и клише в речи сотрудников МВД имеют исторические корни, отражая эволюцию правоохранительной системы. Например, выражение «органы внутренних дел» сохранилось с советских времен и продолжает активно использоваться, несмотря на реформы в системе МВД. Некоторые клише в речи сотрудников МВД формируются под влиянием популярных фильмов и сериалов о полиции. Фразы типа «Вы имеете право хранить молчание» часто заимствуются из американских фильмов, хотя не всегда точно соответствуют российской правовой практике.

В разных регионах России могут формироваться свои специфические штампы и клише, отражающие местные реалии и особенности криминогенной обстановки.

Частое использование штампов может приводить к автоматизации речевого поведения сотрудников МВД, что, с одной стороны, облегчает выполнение рутинных задач, но с другой – может снижать гибкость в нестандартных ситуациях. Использование формальных клише может служить механизмом психологической защиты, помогая сотрудникам МВД сохранять эмоциональную дистанцию в стрессовых ситуациях.

Для граждан, не знакомых с профессиональным жаргоном МВД, восприятие речи, насыщенной штампами и клише, может создавать повышенную когнитивную нагрузку, затрудняя понимание и взаимодействие.

Многие штампы в речи сотрудников МВД характеризуются усложненным синтаксисом с обилием причастных и деепричастных оборотов: «Лицо, подозреваемое в совершении противоправных действий, было задержано сотрудниками полиции при попытке скрыться с места происшествия». В них отмечается преобладание канцеляризмов и юридических терминов: «инкриминируемое деяние», «презумпция невиновности», «состав преступления», а также смешение различных стилей речи, включая элементы официально-делового, разговорного и профессионального жаргона.

Точность речи обеспечивается употреблением слов с присущими им в литературном языке значениями. Как известно, многие слова имеют не одно, а несколько значений. Значения многозначного слова реализуются в разных контекстах и выражаются в различных сочетаниях слова с другими словами. Так, слово закон – это 1) обязательное правило, установленное высшим органом государственной власти (законы об охране окружающей среды); 2) общепринятое правило поведения (закон гостеприимства); 3) постоянная и необходимая связь между явлениями, закономерность (законы диалектики) [1, с.61].

Слов, у которых одно из значений – юридическое, довольно много (подписка, эпизод, повод, лицо и т. д.). Примеры неудачного употребления слова *лицо* приводит Н.Н. Ивакина: *К Воронкову подошли двое лиц с неизвестными лицами; Лашуков с неустановленным лицом совершил ограбление гражданина Юшко* [6, с. 77].

Слово в тексте документа должно употребляться только в одном значении, принятом в официально-деловой письменной речи. Невнимание к оттенкам значений, окраскам слов-синонимов также может приводить к смысловым нарушениям в текстах документов: построить (стилистически нейтральное: построить склад), возвести (стилистическая окраска «высокое», неправильно: возвести склад), соорудить (создать нечто технически сложное; соорудить мост, неправильно: соорудить киоск), воздвигнуть (стилистическая окраска «высокое» – построить что-либо значительное: воздвигнуть арку, неправильно: воздвигнуть жилой дом). Данные слова различаются стилистическими окрасками, оттенками значений и, как следствие, имеют разную сочетаемость.

Языковые штампы и клише в речи сотрудников МВД можно разделить на несколько категорий:

1. Профессиональные термины и аббревиатуры.

Речь сотрудников МВД изобилует специальными терминами и сокращениями, которые могут быть непонятны обычным гражданам. Например: «УД» (уголовное дело), «ОРМ» (оперативно-розыскные мероприятия), «КУСП» (книга учета сообщений о происшествиях). Использование таких терминов позволяет сотрудникам быстро и точно передавать информацию коллегам, но может затруднять общение с гражданами.

2. Устойчивые словосочетания из официально-делового стиля.

В речи сотрудников МВД часто встречаются фразы, характерные для официальных документов: «в установленном законом порядке», «в связи с вышеизложенным», «принять меры к установлению». Такие выражения придают речи официальность и формальность, но могут звучать неестественно в повседневном общении.

3. Профессиональные жаргонизмы:

Несмотря на требования к культуре речи, в неформальном общении сотрудники МВД часто используют профессиональный жаргон: «висяк» (нераскрытое преступление), «глухарь» (преступление без очевидцев и улик), «шмон» (обыск). Такие выражения помогают создать атмосферу профессиональной общности, но могут восприниматься негативно посторонними.

4. Стандартные фразы для общения с гражданами:

Сотрудники МВД часто используют заученные фразы при общении с населением: «Предъявите документы, удостоверяющие личность», «Вы имеете право хранить молчание», «Пройдемте в отделение для выяснения обстоятельств». Эти клише помогают соблюдать процессуальные нормы, но могут восприниматься как формальное и безличное общение.

5. Речевые обороты, подчеркивающие авторитет:

В речи сотрудников МВД часто встречаются выражения, призванные подчеркнуть их властные полномочия: «Я вам настоятельно рекомендую», «Вы обязаны подчиниться законному требованию сотрудника полиции». Такие фразы помогают утвердить авторитет, но могут создавать напряженность в общении с гражданами.

6. Штампы из протоколов и отчетов:

Часто речь сотрудников МВД насыщена фразами, типичными для официальных документов: «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий», «с целью сокрытия следов преступления», «по факту имело место». Эти выражения обеспечивают точность формулировок, но могут затруднять понимание для неподготовленного собеседника.

7. Эвфемизмы и смягчающие выражения:

В общении с гражданами сотрудники МВД нередко используют эвфемизмы для смягчения негативной информации: «лицо, представляющее оперативный интерес» (вместо «подозреваемый»), «применить физическую силу» (вместо «избить»). Такие выражения помогают снизить эмоциональное напряжение, но могут восприниматься как попытка скрыть истинное положение дел.

Использование профессиональных штампов и клише служит своеобразным маркером принадлежности к сообществу сотрудников МВД. Это помогает быстро идентифицировать «своих» и создает ощущение профессиональной общности. Например, фраза «*Докладываю, что в ходе отработки жилого сектора...*» сразу указывает на принадлежность говорящего к правоохранительным органам.

Стандартизированные выражения позволяют сотрудникам МВД быстро и эффективно передавать информацию, особенно в ситуациях, требующих оперативных действий. Клише типа «Код 3» или «Ситуация 02» мгновенно передают большой объем информации коллегам без необходимости подробных объяснений.

Штампы и клише помогают сотрудникам МВД поддерживать официальный тон общения и соблюдать субординацию. Фразы вроде «Разрешите доложить» или «Согласно полученным указаниям» подчеркивают иерархическую структуру организации и соблюдение протокола [2, с. 69].

Использование стандартных формулировок может служить своеобразной защитой для сотрудников МВД, особенно в ситуациях потенциального конфликта. Фразы типа «Действую в рамках своих полномочий» или «В соответствии с законом» помогают избежать личной ответственности и апеллируют к авторитету закона.

Некоторые клише используются для оказания психологического воздействия на собеседника. Например, фраза «Вы понимаете серьезность ситуации?» может быть использована для усиления психологического давления на допрашиваемого [10, с. 261].

В речевой практике сотрудников ОВД используются различные виды обращений, выполняющие несколько важных функций. Помимо традиционного обращения по имени-отчеству (трехименного обращения), применяются специальные слова-обращения, такие как «товарищ полковник», «дежурный по курсу», «товарищ преподаватель» и т.д. Эти обращения решают две основные задачи:

- Обозначение адресата речи (обращения-индексы);

- Регулирование тона и дистанции общения (обращения-регулятивы).

Если необходимо обратиться к человеку, указав его звание, должность или род занятий, то обращения-индексы применяются и в повседневной речи, например: «Товарищ полковник, разрешите обратиться!»

Однако при необходимости обратиться к отдельному человеку в общественном транспорте, аудитории или коридоре зачастую возникают затруднения. Следует помнить, что категорически недопустимо использование таких обращений, как «мужчина», «женщина», «полковник», а также обращение к начальствующему составу, преподавателю или профессору по имени и т.д. Подобные формы обращения свидетельствуют о низкой речевой культуре.

Тональность и обращения играют важную роль в профессиональной речевой культуре сотрудников органов внутренних дел. Правильный выбор тона общения, отсутствие категоричных оценок, использование ровной и доброжелательной тональности способствуют снятию агрессии и созданию атмосферы взаимопонимания. Применение различных видов обращений (трехименных, обращений-индексов, обращений-регулятивов, а также непрямых форм) позволяет сотрудникам ОВД обозначать адресата речи, регулировать дистанцию общения и подчеркивать официальный характер взаимодействия с гражданами. Соблюдение норм речевого этикета в выборе тональности и обращений является неотъемлемой частью профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов, способствует формированию их положительного имиджа и укреплению авторитета в обществе [8].

Проблемы, связанные с чрезмерным использованием штампов и клише:

1. Коммуникативные барьеры:

Злоупотребление профессиональным жаргоном и сложными юридическими терминами может создавать барьеры в общении с гражданами, затрудняя взаимопонимание и снижая эффективность коммуникации.

2. Деперсонализация общения:

Чрезмерное использование стандартных фраз может привести к обезличиванию общения, что негативно сказывается на восприятии полиции обществом.

3. Снижение доверия:

Формальный, перегруженный штампами язык может восприниматься гражданами как попытка скрыть информацию или уйти от ответственности, что снижает уровень доверия к правоохранительным органам.

4. Профессиональная деформация:

Постоянное использование профессиональных клише может привести к «застыванию» речевых навыков сотрудников МВД, затрудняя их способность к гибкому и эффективному общению в различных ситуациях [3, с. 112].

Пути совершенствования речевой культуры сотрудников МВД:

1. Развитие коммуникативной компетенции.

Необходимо включать в программы подготовки и повышения квалификации сотрудников МВД курсы по развитию коммуникативных навыков, включая умение адаптировать речь к различным ситуациям общения.

2. Обучение техникам «перевода» с профессионального языка на общедоступный.

Важно научить сотрудников МВД объяснять сложные юридические понятия простым языком, что повысит эффективность общения с гражданами.

3. Развитие навыков активного слушания.

Обучение сотрудников МВД техникам активного слушания поможет им лучше понимать собеседников и более эффективно реагировать на их запросы.

4. Работа над имиджем.

Необходимо уделять внимание формированию положительного речевого имиджа сотрудников МВД, что включает в себя не только грамотность, но и вежливость, эмпатию и способность к диалогу.

5. Мониторинг и анализ коммуникативных практик.

Регулярное изучение речевого поведения сотрудников МВД и его влияния на эффективность работы поможет выявлять проблемные области и разрабатывать меры по их устранению.

Интересно отметить, что использование профессиональных штампов и клише характерно для полицейских служб многих стран. Например, в США широко используется фраза «Protectandserve» («Защищать и служить»), ставшая своеобразным девизом полиции.

С развитием международного сотрудничества в сфере правоохранительной деятельности в речь российских сотрудников МВД проникают заимствования из других языков, например, «хот-спот» (горячая точка), «профайлинг» (составление психологического портрета).

Перспективы развития профессиональной речи сотрудников МВД:

1. Цифровизация коммуникации.

С развитием цифровых технологий возникают новые формы коммуникации между полицией и гражданами (например, через социальные сети или мобильные приложения), что требует адаптации речевых практик к новым форматам общения.

2. Гуманизация дискурса.

Наблюдается тенденция к гуманизации полицейского дискурса, стремление к более открытому и дружелюбному стилю общения с гражданами, что может привести к трансформации некоторых устоявшихся речевых шаблонов.

3. Междисциплинарный подход.

Перспективным направлением является разработка междисциплинарных программ по совершенствованию речевой культуры сотрудников МВД с привлечением лингвистов, психологов и специалистов по связям с общественностью.

Таким образом, выполняя ряд важных функций, языковые штампы и клише являются неотъемлемой частью профессиональной речи сотрудников МВД, Однако их чрезмерное и неуместное использование может негативно сказываться на эффективности коммуникации и восприятии правоохранительных органов обществом. Языковые штампы и клише в речи сотрудников МВД представляют собой сложное и многогранное явление, отражающее как специфику профессиональной деятельности, так и более широкие социокультурные процессы. Их изучение и анализ имеют не только теоретическое, но и практическое значение для повышения эффективности коммуникации между правоохранительными органами и обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойченко В.В. Культура речи сотрудников ОВД. Составление служебной документации : учеб. пособие / В. В. Бойченко. − Волгоград: ВА МВД России, 2016. − 88 с.

2. Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Культура речи и деловое общение сотрудников полиции. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. Белгород, 2018. 152 с.

3. Емельянова А.М., Уразалиева Н.С.Значимость русского языка в речи сотрудников ОВД // В сборнике: Духовные ценности и нравственный опыт цивилизаций в контексте XXI века. Материалы IV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 2023. С. 111-113.

4. Земзерева В.И.Коммуникативная компетенция сотрудника полиции как одно из слагаемых культуры устной и письменной речи // В сборнике: Язык. Культура. Общество. Материалы заочной межвузовской научно-практической конференции. Составители: В.Н. Устюжанин, Л.Г. Голяшова. 2021. С. 76-80.

5. Зиганшин М.М. Жаргон и культура речи в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. №1(4). С. 104-107

6. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста [Текст]: учебное пособие / Н. Н. Ивакина. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2011. – 447 с.

7. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт в новых парадигмах лингвистического знания // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. Москва: МИИ Наука, 2010. № 4. С. 78–83.

8. Кузнецова С.М.Культура речи сотрудников овд: типичные ошибки и пути их устранения // В сборнике: Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. Сборник научных трудов. Тверь, 2021. С. 139-143

9. Липина Е. А. Влияние уголовного жаргона на профессиональную компетентность сотрудников полиции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 1741–1745.

10. Назарова И.В. Роль культуры речи в формировании личности конкурентоспособного сотрудника ОВД // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-3. С. 260-262.

11. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования: монография М. 2004. 322 с.

УДК 378. 147.34

ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУНАУЧНОГО ДИСКУРСА

Рубанникова Ирина Анатольевна
Доцент, кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского
SPIN-код: 7524-8264

Настоящая статья посвящена анализу и характеристике субъектно-объектных отношений научного дискурса. Раскрываются ключевые понятия рассматриваемых отношений. Выделяются конкретные коммуникативно-прагматические факторы, влияющие на результат научной коммуникации. Предлагается описание и характеристика коммуникативно-прагматических факторов научного дискурса. В настоящей работе доказывается тот факт, что авторская личность является центральной прагматической категорией. Проводятся четкие границы между понятиями «моноадресат», «полиадресат» и «фиктивный адресат». В статье приводятся перспективы анализа субъектно-объектных отношений посредством успешного использования данных научного дискурса на практике. Доказывается положение о том, что язык как объект науки уникален и что он насквозь субъективен. Описывается взаимодействие адресанта и адресата, как главных прагматических и равноправных составляющих дискурса. Определяются основные параметры по характеру воздействия на адресата: непосредственное и опосредованное. Подтверждается безусловная важность роли субъектно-объектных отношений научного дискурса в процессе успешного понимания научной информации.

Ключевые слова: субъектно-объектные отношения, авторская личность, коммуникативно-прагматические факторы, адресат, адресант, научный дискурс, научная информация, моноадресат, полиадресат, фиктивный адресат, интенциональный код, пресуппозиция, тип адресанта, фоновые знания, коммуникативный ракурс, коммуникативная ситуация, тема.

CHARACTERIZATION OF SUBJECT-OBJECT RELATIONS THROUGH THE PRISM OF SCIENTIFIE DISCOURSE

Rubannikova Irina Anatolyevna
Associate Professor, PhD in Phylology, Associate Professor,
Moscow State University of Technology and Management
named after K.G. Razumovsky

The present article is devoted to the analysis and characterization of subject-object relations of scientific discourse. The key concepts of the relations under consideration are disclosed. Specific communicative-pragmatic factors influencing the result of scientific communication are emphasized. The description and characterization of communicative-pragmatic factors of scientific discourse are offered. This paper proves the fact that authorial personality is a central pragmatic category. Clear boundaries between the concepts of “monoaddresser”, “polyaddresser” and “fictitious addressee” are drawn. The article provides perspectives for analyzing subject-object relations through the successful use of scientific discourse data in practice. The article proves the position that language as an object of science is unique and that it is subjective. The interaction of addressee and addressee as the main pragmatic and equal components of discourse is described. The main parameters are defined by the nature of the impact on the addressee: direct and

indirect. The unconditional importance of the role of subject-object relations of scientific discourse in the process of successful understanding of scientific information is confirmed.

Keywords: subject-object relations, author's personality, communicative-pragmatic factors, addressee, addressee, scientific discourse, scientific information, mono-addressee, polyaddressee, fictitious addressee, intensional code, presupposition, type of addressee, background knowledge, communicative perspective, communicative situation, topic.

*****

Субъектно-объектные отношения в научном дискурсе представляют собой сложный и многогранный феномен, который требует внимательного анализа и осмысления. Понимание этих отношений помогает не только в проведении качественных исследований, но и в более глубоком осмыслении самого процесса научного познания.

Субъектно-объектные отношения представляют собой одну из ключевых тем в контексте научного дискурса. Эти отношения формируют основу взаимодействия между исследователем (субъектом) и объектом исследования, что, в свою очередь, влияет на методы анализа, интерпретации и представления результатов. В настоящей статье рассматриваются характерные черты субъектно-объектных отношений в научном дискурсе, их влияние и способы отражения в научной коммуникации.

Всякий дискурс предполагает субъектно-объектное взаимодействие, т.е. любое взаимодействие между: S – O – S1 S2 – это, прежде всего, S1, S2 – полиадресат). Исходя из данного положения в иссследовательском поле научного дискурса, необходимо выделить следующие коммуникативно-прагматические факторы: интенциональный код адресанта, прагматическую направленность, пресуппозицию, фоновые знания, коммуникативный ракурс, степень прагаматической компетенции, тип адресанта, коммуникативную ситуацию, тему. Каждый из этих факторов диктует выбор того или иного лингвистического средства, превращая всю научную коммуникацию в интегрированное единство научного дискурса.

Необходимо упомянуть, что коммуникативное намерение пишущего/говорящего направлено на достижение определенной цели – воздействовать на читающего/слушающего оптимальным образом. Адресант регулирует не просто адекватное построение высказывания, но и его корректное понимание реципиентом.

Коммуникативное намерение говорящего при трансляции научной информации является своего рода начальным импульсом при выборе языковых средств, а именно: определнный выбор лексических, грамматических структур, логики изложения и особенностей иерархической компановки фактического материала.

Авторская интенция – это последовательность решения говорящим/ пишущим отдельных коммуникативных задач, что выливается в сегментацию научного пространства на отдельные смысловые фрагменты. При этом разграничение сегментов происходит в соответствии с целесообразным и оптимальным перенисением информации из одного фрагмента в последующий. С этих позиций авторскую интенцию в дискурсном пространстве можно рассмотреть как некий интенциональный код.

Реализация авторского замысла обусловливает завершенность коммуникативного акта, т. е. создание научной информации, которая отвечает коммуникативной компетенции реципиента. Если реципиет усвоил, для какой цели необходима данная научная информация, а также что хотел выразить автор помимо

всех использованных средств, то можно утверждать, что автор интерпретировал данную информацию адекватно.

Интенциональный код [1] включает в себя следующие направления:

выбор той или иной коммуникативной ситуации;

прогнозирование возможной реакции реципиетна научной информации;

влияние на понимание реципиента;

обоснование мотива выбора темы.

Доминирующими факторами при выборе темы являются следующие: актуальная необходимость научного исследования, стремление восполнить пробел в разработке того или иного вопроса, желание продолжить научную полемику и т.д.

С фактором интенционной направленности тесно связан личностный фактор или S (говорящий субъект – автор научной информации).

В сфере научной коммуникации длительное время, как отмечают исследователи (Н.М. Разинкина, Л.В. Славгородская, B. Scheffer) [2], преобладал принцип «безличного» повествования, при котором автор объединял себя с концептом науки. В последнее время современное языкознание проявляет все больший интерес к человеку, к категории авторского «я».

Язык как объект науки является уникальным в том смысле, что он насквозь субъективен. Говоря о субъективном характере языка, часто имеют в виду, что в языке выражается или целиком субъективное восприятие человека, или субъективно-оценочный момент накладывается на объективную, фактическую информацию. При этом считается, что объективная информация передается строгим и точным языком, лишенным эмоциональности и экпрессивности, т.е. всего того, что свидетельствует о присутствии человека, автора научной коммуникации. Такое представление об объективности, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, есть не что иное, как миф об объективности, ибо процесс познания возникает именно как результат взаимодействия объективного и субъективного [3. 186-190].

Подход к научной информации с позиции дискурса не только подтверждает данный тезис Лакоффа, но и прогнозирует повышенный интерес к проблеме субъектно-объектного взаимодействия.

Каждое научное высказывание несет на себе «печать» индивидуальности его создателя, является средством его саморепрезентации и, следовательно, требует осмысления и описания в личностном аспекте. Языковые средства, указывающие на присутствие говорящего субъекта (S) регулируют прагматический план дискурса, поскольку в определенной коммуникативной ситуации субъектное взаимодействие напрямую зависит от способности коммуникантов реализовать собственные интенции в рамках указанных ранее принципов.

В настоящий момент авторская личность стала центральной прагматической категорией в исследованиях современных отечественных и зарубежных лингвистов (Dijk, Hermann, Leech, Караулов, Сусов, Падучева, Лаврентьева). При этом исследуется то, какими средствами пользуется адресант, чтобы точнее выразить свою мысль, как он воздействует на адресата, чтобы убедить его, взволновать, растрогать или ввести в заблуждение, как автор проявляет в тексте свое «эго».

В процессе коммуникации автор речи выступает активным деятельным началом, «движущей силой речетворчества» [4. 123].

В научном дискурсе перед говорящей личностью стоят следующие коммуникативные задачи: с одной стороны, необходимость показать свое отношение к создаваемой информационной деятельности, представляя себя, а с другой стороны, способность не выдвигать явно собственного мнения, чтобы дать возможность адресату создать свою картину мира. Признавая важную роль в общении адресата, следует отметить, что позиция адресанта в дискурсе остается доминирующей. Общепринятым является тот факт, что в основании самого существования функций языка лежит прагматико-эгоцентрический фактор: фактор интересов – целей отправителя речи и позиции я – говорящего. Именно отправитель речи, используя языковые средства для общения, принимает в расчет участников коммуникативного акта и осуществляет вербальный отбор, исходя из своих интенций.

Адресант осуществляет речевое действие, направленное на слушающего, и распределяет роли участников коммуникации (если в ситуации общения принимают участие несколько человек). Кроме того, именно адресант, как отправная единица высказывания, должен сделать оптимальный выбор лингвистических и экстралингвистических средств. Следовательно, общение предполагает наличие адресата и адресанта, без которых не может осуществляться речевое взаимодействие, и которые связаны между собой сложной цепочкой вербальных и межличностных отношений и именно межличностные отношения коммуникантов, в большей степени, определяют выбор той или иной языковой формы.

Взаимодействие адресанта и адресата, как главных прагматических составляющих дискурса, характеризуется равноправием и взаимообратимостью. Анализируя взаимодействие коммуникантов, ученые отмечают, что сама коммуникация, «в любом своем виде имеющая диалогический генезис, с одной стороны, объективирует полярность понятий «я» (говорящий) и «ты» (слушающий), показывает, с другой стороны, что поведение человека основано на постоянной, менее актуальной и потенциальной роли, на возможности совмещать их в одном реальном лице даже в рамках отдельно взятого коммуникативного акта» [5. 107].

Кроме взаимодействия общение предполагает также воздействие одного индивида на другого в структуре дискурса. Цель речевой коммуникативной деятельности заключается не в изменении продукта деятельности и продукта познания, а в воздействии на партнера по коммуникации. Достижение перлокутивного эффекта на партнера по коммуникации и является главной категорией прагматики и превалирующей целью любого дискурса. Учитывая вышесказанное, представляется возможным представить схему процесса общения следующим образом:

Схема 1

Адресант → Дискурс → Адресат

Адресат → Дискурс → Адресант

Таким образом, отношения адресанта и адресата будут неотделимо связаны с речевым дискурсом и будут являться не однонаправленными, а взаимообратными. Это означает то, что характер, структура дискурса, условия восприятия, интерпретации и построения зависят от его участников.

Для анализа субъектно-объектных отношений релевантным можно назвать фактор полиадресанта, под которым понимается говорящая личность, высказывание которой опирается на обобщенное знание неопределенного числа коммуникантов.

В научной коммуникации знание и умение постоянно накладываются друг на друга, что обусловлено прагматическими и коммуникативными интенциями автора. Говорящий может быть заинтересован в том, чтобы вызвать сомнения у реципиента и представить нечто как свое мнение, хотя сам имеет по этому вопросу достоверные знания. А также может стараться убедить адресата в истинности того, что сам считает достаточно сомнительным. Адресант сам для себя определяет в каком случае он имеет право сказать, что он что-то знает, а не полагает, в зависимости от того, какие коммуникативные задачи он ставит перед конкретным научным сообщением. В этом и заключается прагматическая постановка речи автора.

Выбор лингвистических средств, обусловленный критерием успешности и эффективности коммуникации, является одним из основных факторов для создания интегрированного научного единства. Иначе говоря, прагматическая направленность обусловливает и определяет содержание информации, а также обеспечивает правильное ее понимание. Она, в первую очередь, находит свое выражение в достаточно четкой сегментации научной информации, ее наглядном графическом оформлении. Для научного дискурса характерна точная делимитация

информационного пространства. Это направлено на внимание адресата с целью помочь ему выделить важную информацию, отделить главное от второстепенного.

Следующим коммуникативно-прагматическим фактором, обусловливающим когерентность научного дискурса, является пресуппозиция. Пресуппозиция трактуется в работе как некое фоновое знание, общее для участников коммуникации и входящее составной частью в смысл каждого высказывания, в содержание общего научного дискурса. Пресуппозиция представляет явление экстралингвистического плана, т. к. она базируется на языковой компетенции участников коммуникативного акта, их общем тезаурусе и социальном опыте.

Набор языковых средств, плюс наблюдение и опыт автора составляют то, что называется «фоновыми знаниями», наличие которых является необходимой предпосылкой успешной научной коммуникации. Совпадение фоновых знаний или уровней семиотической подготовки обеспечивает взаимное понимание коммуникантов.

Межличностное вербальное общение предполагает обязательное наличие адресанта и адресата, которые являются двумя полюсами коммуникативного акта и участниками дискурса, выступающих в качестве носителей определенных социальных ролей.

Тип адресата, как один из основных факторов когерентности научного дискурса, закладывается адресантом в интенциональный код при выборе коммуникативного ракурса и постановке коммуникативно-прагматических задач, а именно: передача информации от одной ступени развития данной отрасли науки к следующим; передача информации от одного коммуниканта к другим, преодоление дистанции между адресантом и адресатом.

Сегодня практически общепризнанным является тот факт, что адресат, обладающий речевой компетенцией и социальными признаками, также является активным участником дискурса, хотя для осознания активной роли адресата в процессе межличностной коммуникации лингвистике потребовалось определенное время. Вместе с тем, как полагает Г.В.Степанов, было бы целесообразно выдвижение адресата на первое место для того, чтобы глубже понять смысл и назначение языка как «практического сознания», с одной стороны, и диалектику отношений действительности двух сознаний в речевой деятельности, с другой: говорящий («я сам») – слушающий, воспринимающий партнер («другие люди») [6].

Языковой материал показывает, что именно фактор адресата давлеет над говорящим, так как данные языковые единицы отражают не только коммуникативную интенцию отправителя речи, но и его определенную характеристику (при автономизации) или характеристику говорящего (при наименовании адресата). Кроме того, получатель речи оценивает все языковые единицы с точки зрения их адекватности данной прагматической ситуации и при попытках говорящего переступить в том или другом пункте «границу корректности» [7], адресат стремится не допустить подобного рода нарушений и сигнализирует об этом.

В нормальной речевой обстановке параметры адресанта и адресата должны быть между собой согласованы, например, обучающий и обучающийся, начальник и подчиненный. Роль адресата определяет не только социально-этикетную сторону речи, она заставляет говорящего заботиться об ее организации. В речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, «вмонтированная» в прагматический комплекс. При этом оценка адресатом речевого содержания коммуникативного смысла сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации. Если высказывание признается в том или другом отношении неуместным, то адресат делает парирующий ход. Ответная тактика в большой степени обусловлена расхождением собеседников в оценке того, насколько речевой акт вписался в прагматическую рамку, если говорящий периодически делает попытки переступить в том или другом пункте

границу корректности, то для адресата характерно стремление не допустить такого рода нарушений.

Тип адресата можно определить по содержанию передаваемой информации. Определяя роль адресата как системообрзующий параметр научного дискурса, можно выделить следующие типы реципиента: моноадресат, полиадресат и фиктивный адресат.

Под моноадресатом понимается конкретное лицо или личность, которой передается определенный объем информации, а в понятие полиадресата можно включить как самые малые группы, насчитывающие двух или чуть более читателей, так и самую широкую читательскую и слушательскую аудиторию. Моноадресат интересует только с позиции возможности передачи информации чисто теоретически, поскольку в практике подобное соотношение 1:1 адресанта и адресата возможно в очень ограниченном числе коммуникативных ситуаций (специальные циркуляры закрытого пользования). Моноадресат возможно рассмотреть в рамках апелляции адресанта к некому конкретному индивидууму. Фиктивный адресат – тот, который предположительно участвует в процессе коммуникации. Фиктивный адресат предполагает односторонний процессс коммуникации при устном информационном канале, где отсутствует обратная связь (радио, телевидение).

Научная коммуникация может быть ориентирована как на моноадресата, так и на полиадресата, поскольку информация научной направленности легко доступна как для специалистов, так и для неподготовленной публики.

По характеру воздействия на адресата можно выделить следующие параметры:

непосредственное воздействие (когда информация берется на вооружение);

опосредованное воздействие (когда необходим анализ изложенного материала и самостоятельные выводы).

При непосредственном воздействии познавательную ценность информации можно определить как меру снятия неопределенности знания адресата о том или ином факте, либо событии.

В опосредованном воздействии при определении познавательной ценности информации центральным становится фактор адресата, уровень его фоновых знаний о ситуации, обусловленной социальными, психическими, другими особенностями.

Главное коммуникативное задание, которому следуют автор речи и реципиент, есть поиск, выявление и осмысление выбора оптимальной формы научной коммуникации. В этом актуализуется «обратный эффект» (эффект «эха»), в котором говорящий не только формирует информацию (О – объект), но и через нее воздействует на реципиента, который активно включен в коммуникацию. Скрытая связь между адресатом и адресантом выражается в том, что при восприятии научного сообщения адресат обязательно трансформирует его, отбрасывая ненужную информацию и, наоборот, уделяя пристальное внимание интересным, на его взгляд, мыслям, обдумывая и анализируя их, создавая, таким образом, своего рода параллельную, понятную ему научную информацию.

субъектно-объектных отношений научного дискурса так как его действие зависит от особенностей психической, социальной деятельности, менталитета адресата.

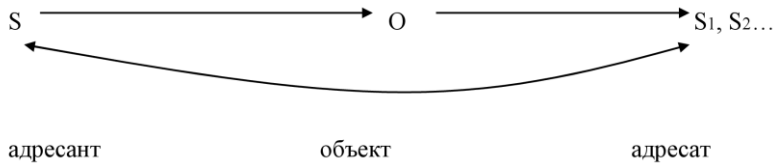
Следует отметить, что в анализируемом пространстве могут существовать коммуникативно-прагматические отношения между коммуникантами с различным социальным статусом. Это различие нивелируется с помощью соответствующего языкового материала.

На примере рассматриваемого типа дискурса, коммуникативный ракурс объясняется отсутствием активного, коммуникативного партнера и, следовательно, невозможностью проверить адекватность восприятия посылаемой информации. Коммуникативный ракурс, как понятие может трактоваться как в широком смысле, так и в узком.

В широком смысле слова коммуникативный ракурс является углом зрения, совокупностью таких понятий, как фоновые знания адресата, интенции адресата, прагматическая заинтересованность, т. е. данное понятие обладает двухуровневой структурой, которая позволяет плавно переходить от коммуникативно-логического аспекта к чисто языковому.

Коммуникативный ракурс в узком смысле выражается отношением адресанта и через него – адресата к передаваемой информации. В данном случае определяющую роль играет взаимоотношение личностных факторов автора и реципиента, автора и объекта исследования.

Схема 2



Субъектно-объектные отношения научного дискурса можно представить следующим образом:

Схема № 3

По тому, насколько крепки связи между адресантом и адресатом, пропорциональны соотношения двух половин схемы, можно судить о степени осуществления успешной коммуникации. Только в крайне редких случаях декодировка осуществляется на 100%. Наличие или отсутствие каких-либо факторов свидетельствует о полноте, объеме и насыщенности информацией.

Настоящая работа предлагает анализ субъектно-объектных отношений, который позволяет сделать вывод, что в исследуемом дискурсе раскрывается взаимодействие субъекта (S) с объектом (O) на уровне оценочного фактора. Для этого используется общедоступная лексика (интернационализмы, цифровые реалии, имена собственные) и грамматика. Также реализуется возможность расширения информации за счет высказываний сложного формирования

(сложносочиненные, сложноподчиненные предложения, вставки, заголовок-резюме). Такой отбор языкового материала в системе дискурса позволяет расширить границы как фоновых, так и актуальных знаний адресата, что способствует успешно декодировке научной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косых Г.Д. Коммуникативная модель метафорического высказывания (на материале современного немецкого языка): Дис. канд. филол. наук./ Г.Д. Косых. – Барнаул, 2000. – 161 с.

2. Scheffer B. Interpretation und Lebensroman. Zu einer konstruktivistischen Literaturtheorie. – Frankfur/M. – 1992. – 424 s.

3. Lakoff J. Johnson M. Metaphors We Like By – Univ. Of Chicago Press Chicago, London. – 1980. – P.186-190.

4. Бахтин М.М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Вопр. лит. – 1976. – №10. – С. 123.

5. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. –. М.: Наука, 1993. – С.107.

6. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности/ Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 35-73.

7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.:Наука, 1988. – 339 с.

8. Дейк Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинг // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. Вып. 23. – С. 153-211.

9. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308с.

10. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структура представления знаний. – М., 1992. – С. 57.

11. Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи/ Н.М. Лариохина. – М.: «Русс. яз.», 1979. – 162 с.

12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Шк. «Языки русс. культуры», 1996. – 284 с

ИСТОРИЯ

УДК 930.1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Хаит Надежда Леонидовна
Кандидат исторических наук,
Доцент кафедры истории России мировых и региональных цивилизаций,
Гуманитарного института, Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Россия
SPIN-код: 7655-2137

Исаева Алина Евгеньевна
Методист по музейно-образовательной деятельности,
магистрант Сибирского федерального университета
Красноярское государственное автономное учреждение культуры
Красноярский краевой краеведческий музей,
г. Красноярск, Россия

В статье рассматриваются теоретические аспекты и методологические подходы к рассмотрению феномена личности в истории. Были рассмотрены хронология существования феномена личности в истории, отношение к нему в разные эпохи и выделены особенности восприятия данного феномена на современном этапе. Также, автором были приведены несколько примеров того, как личность смогла оказать влияние на дальнейших ход человеческой истории. В завершении работы были сделаны выводы о наличии исследовательского интереса и актуальности изучения влияния различных личностей на исторический процесс, отношения к личности человека в целом, в разные эпохи. Говоря об актуализации изучения роли личности был сделан акцент на празднование 100-летия со дня рождения В.П. Астафьева в мае 2024 г. и наличии перспективы проведения исследований в области влияния личности писателя на историю своего города.

Ключевые слова: роль личности в истории, пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилёва, феноменологический подход, история повседневности, теория когнитивной истории.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF PERSONALITY IN HISTORY

Khait Nadezhda Leonidovna
Candidate of History Sciences
Associate Professor of the Department of History of Russia, world and regional civilizations, Humanitarian Institute, Siberian Federal University,
г. Krasnoyarsk, Russia
SPIN-код: 7655-2137

Isaeva Alina Evgenievna
Methodologist for Museum and Educational Activities, undergraduate of the Siberian Federal University
Krasnoyarsk State Autonomous Cultural Institution Krasnoyarsk Regional Museum of Local History,
г. Krasnoyarsk, Russia

This article examines theoretical aspects and methodological approaches to studying the phenomenon of personality in history. The chronology of the existence of the phenomenon of personality in history, attitudes toward it in different eras, and specific features of its perception in the modern stage are considered. Furthermore, the author provides several examples of how individuals have been able to influence the subsequent course of human history. In conclusion, the article draws conclusions about the continuing research interest and relevance of studying the influence of various individuals on the historical process, and attitudes toward the human person in general, across different eras. Highlighting the renewed relevance of studying the role of personality, emphasis is placed on the celebration of the 100th anniversary of V.P. Astafyev's birth in May 2024, and the prospect of conducting research into the influence of the writer's personality on the history of his city.

Keywords: the role of personality in history, passionary theory of ethnogenesis L.N. Gumilyov, phenomenological approach, history of everyday life, cognitive history theory.

*****

Может ли человек, живший или живущий ныне в разные исторические эпохи, оказать влияние на ход истории? Влияют ли его поступки, действия, идеи, на то, каким он запомнится остальному человечеству? Если мы посмотрим на исторический процесс, то увидим, что, действительно, в осуществлении большинства исторических событий, известных нам, огромную роль сыграло решение, действие, конкретных людей. Их поступки могли носить положительный или, наоборот, отрицательный характер, однако все они оказали значительное влияние на исторический процесс. Ни одна дата в мировой истории не обходится без упоминания n-го количества личностей, причастных к ней в том или ином отношении (исключением, пожалуй, являются только природные катаклизмы, которые как правило происходят независимо от человеческой деятельности).

Влияние личности на историю можно оценивать и изучать с разных позиций: преувеличивать его, преуменьшать, отрицать или относиться нейтрально, воспринимать как доказанный факт. Целью данного исследования является охарактеризовать теоретико-методологические аспекты феномена личности в истории. Если говорить о задачах, поставленных в данной работе, то мы постарались раскрыть хронологию существования феномена личности в истории, отношение к нему в разные эпохи, привести несколько примеров того, как личность человека смогла оказать влияние на дальнейших ход человеческой истории, а также порассуждать над восприятием данного феномена на современном этапе.

Объектом данного исследования является личность в истории, как социально-культурное явление, а предметом – теоретико-методологические аспекты данного феномена. В основе данной работы лежат принципы историзма и детерминизма, которые позволили рассмотреть такое явление, как личность в истории в её развитии, начиная от возникновение и заканчивая существованием в наши дни, а также выявить причины изменения отношения к данному феномену в разные исторические эпохи. Историко-генетический, историко-биографический и описательно-повествовательные методы позволили показать влияние конкретных знаменитых личностей на исторический процесс на примере описания эпизодов их биографии.

В наши дни, изучая историческую науку в школе, в высших учебных заведениях или в качестве любителя во взрослом возрасте, мы можем отметить, что,

действительно, существует немало примеров, когда личность оказывала влияние на ход истории и тем самым навсегда входила в нее. Например, Наполеон Бонапарт Император французов, чья интересная и захватывающая биография вам наверняка известна в общих чертах, за свою жизнь принял много исторически важных решений, среди которых: организация экспедиции в Египет (положившая начало египтологии в европейской науке), разработка Гражданского кодекса, по которому Франция частично живет до их пор и т.д. Но одно из них, по мнению многих специалистов, навсегда изменило его судьбу. Это конечно же поход на Россию 1812 г., в результате неудачи которого он не только сам в дальнейшем потерял власть, армию и влияние на Европу, но и принес России во время Заграничного похода, военную славу, усиление ее позиций на международной арене.

Но это была речь о довольно известном и влиятельном человеке, политике, полководце. Однако даже самые простые люди порой оказывали огромное влияние на ход истории. Примером может являться изобретение французского химика и микробиолога Луи Пастера, который открыл в 1854 г. такое явление как пастеризация продуктов, благодаря которому все человечество, вплоть до наших дней пользуется пищевыми продуктами, которые имеют длительный срок хранения. В 1864 году к Пастеру обратились французские виноделы с просьбой помочь им в разработке такого средства, которое способствовало бы долгому сохранению вина. В своих исследованиях Пастер доказал, что различные заболевания вызываются разными микроорганизмами. Но, если вино и бутылки нагреть до 50-60 °С, то оно не будет портиться и выдержит продолжительную транспортировку. Пастер даже провёл специальные эксперименты, пригласив виноделов и специалистов-сомелье, чтобы оценить изменение вкуса пастеризованного и непастеризованного вина. Интересен тот факт, что почти все они предпочли пастеризованное вино. Спустя несколько лет, в 1867 г. на Всемирной выставке в Париже, Луи Пастер удостоился золотой медали за свой вклад в науку о микроорганизмах и изобретении способа пастеризации продуктов.

Ещё одним примером является английский медик, Александр Флеминг, который в 1928 г. совершил научное открытие, совершенно случайным образом. Как-то раз он вернулся на работу после выходных и увидел, что в оставленной лабораторной посуде погибла колония стафилококка. Выяснив, что одни бактерии способны уничтожать другие он назвал грибы, уничтожившие стафилококки в его опытном образце-пенициллином, который в дальнейшем был доработан другими учеными и совершил прорыв в лечение всего человечества, так как значительно уменьшил смертность. Таким образом, данные примеры хорошо иллюстрируют, как люди из самых разных профессиональных сфер, социального положения и статуса намеренно или случайно внесли свой вклад в историю человечества и навсегда вошли в неё.

Приступая к рассмотрению ключевых этапов становления концепции влияния личности на исторический процесс, необходимо обратиться к античной эпохе. Несмотря на преобладание фаталистических взглядов в Древней Греции и Риме, греко-римская историография была пронизана гуманистическими тенденциями. Анализ трудов Фукидида и Ксенофонта, посвященных деяниям политиков и полководцев, позволяет утверждать, что человеческая активность признавалась фактором, обладающим самостоятельной значимостью, отличной от предопределения.

В средневековый период проблема влияния личности на исторический процесс рассматривалась сквозь призму теологии истории. Основной тезис заключался в том, что исторический нарратив детерминирован божественным замыслом, а не волеизъявлением человека. Представления Августина и представителей христианской традиции, в частности, Жана Кальвина, акцентировали идею предопределенности исторического развития божественной волей, нивелируя, таким образом, подлинную самостоятельность человеческой деятельности. Таким образом, деятели средневековья существенно принижали роль личности в историческом процессе.

Эпоха Ренессанса характеризуется актуализацией гуманистического подхода к изучению истории, что привело к выдвижению проблемы роли личности в центр интеллектуальных дискуссий. Возросший интерес к биографиям и деяниям выдающихся персон, наряду с признанием влияния Провидения, способствовал формированию представлений о личности как о важной движущей силе исторического процесса. Показательным примером является трактат Н. Макиавелли «Государь», в котором утверждается, что эффективность политической деятельности правителя и направление исторического развития определяются рациональностью принимаемых им решений и его готовностью к применению широкого спектра инструментов, в том числе противоречащих моральным нормам. Макиавелли одним из первых обратил внимание на то, что в историческом процессе ключевую роль играют не только позитивные герои, но и деятели, характеризующиеся отсутствием моральных принципов. Таким образом, эпоха Возрождения ознаменовала важный поворот в осмыслении роли личности в истории. Отходя от средневекового теоцентризма, мыслители Возрождения, в частности Макиавелли, признавали за человеком, особенно за выдающимися правителями, активную роль в формировании исторического процесса. Этот гуманистический акцент на человеческой деятельности заложил основу для дальнейших размышлений о роли личности в истории.

В XVI и XVII столетиях возрастающий интерес к естественнонаучным открытиям стимулировал поиск объективных закономерностей в историческом процессе. Проблема свободы воли получила новое осмысление в контексте деистических воззрений: признавалось наличие божественного начала, установившего законы Вселенной, однако постулировалась автономия человека в рамках этих законов. Несмотря на то, что проблема роли личности не занимала центральное место в дискуссиях, рационалисты, рассматривая общество как сумму индивидов, признавали значительное влияние выдающихся законодателей и государственных деятелей на социальные изменения и ход истории.

Философия истории эпохи Просвещения была построена на убеждении в существовании естественных законов общества, проистекающих из универсальной человеческой природы. Просветители верили в возможность рациональной реорганизации общества в соответствии с этими законами признавали за личностью, в частности, за влиятельными правителями и законодателями, способность оказывать существенное, а порой и определяющее воздействие на ход истории. В качестве примера просветительского подхода к оценке роли личности в истории можно привести труд Вольтера «История Российской империи при Петре Великом», в котором Петр I предстает как созидатель, принесший культуру в, казалось бы, варварскую страну. Однако следует отметить, что отношение просветителей к религиозным деятелям часто было негативным, что выражалось в их карикатурном изображении как обманщиков и манипуляторов, чьи интриги, обусловленные идеологическим противостоянием церкви, оказывали влияние на исторические процессы. Ограничением просветительского подхода к изучению роли личности являлось недостаточное внимание к социокультурной детерминированности индивида. Просветители не принимали во внимание, что личность не формируется вне контекста общественных отношений и должна рассматриваться в тесной связи с условиями, способствовавшими ее становлению и проявлению. Игнорирование данного фактора могло привести к редукционистскому пониманию исторического процесса, сводя его к случайному появлению выдающихся или одиозных фигур. Тем не менее, следует признать значительный вклад просветителей в актуализацию проблемы роли личности в истории и ее превращение в один из центральных вопросов теоретической историографии.

Начало XIX века, ознаменованное наступлением эпохи Романтизма, характеризуется трансформацией представлений о роли личности в историческом процессе. На смену просветительским концепциям, постулирующим возможность деятельности выдающихся индивидов, таких как законодатели и основатели религий,

вне исторического контекста, приходят подходы, рассматривающие личность в тесной взаимосвязи с конкретной исторической обстановкой. В эпоху романтизма интерес к конкретным историческим личностям снизился, поскольку основное внимание было сосредоточено на "духе народа" и его проявлениях. Французские историки-романтики периода Реставрации, несмотря на вклад в изучение роли личности, придерживались мнения о ее ограниченном влиянии, полагая, что выдающиеся деятели способны лишь ускорить или замедлить ход предрешенных событий, но не изменить их суть. Таким образом, роль личности рассматривалась ими как второстепенная.

Прежде чем переходить к рассмотрению отношения к феномену личности представителей марксизма, хотелось бы упомянуть позицию российских историков – Н.И. Костомарова и В.О. Ключевского, которые представляют собой пример совершенно иного восприятия роли личности в истории. Как известно, начиная с 1870-х гг. Костомаров начал работу по созданию жизнеописаний известных исторических деятелей русской истории. Основным методом для историка служил историко-психологический анализ. Глубокое погружение в индивидуальные свойства личности и психологическую основу поведения человека в истории характерно для значительной части его сочинений. Опираясь на обширную базу исторических источников, преимущественно личного происхождения, историк сумел раскрыть будущему читателю известную историческую личность с психологической, эмоциональной стороны, показать мотивы её поступков. Сочинения Н.Я. Костомарова написаны увлекательным, живым языком, что делает их интересными для изучения и в наши дни.

Позицию историка поддержал его коллега – В.О. Ключевский, который в качестве достоинств подхода Костомарова отмечал его способность показать историческую личность как живого человека, со своими слабостями и определенным складом личности. Оба историка при написании своих работ опирались не только на фактологический материал, но и учитывали влияние эпохи на человека, нравы того времени и обстоятельства жизни известной исторической личности.

Влияние французской романтической историографии периода Реставрации на марксистское понимание роли личности в истории отчетливо прослеживается в труде Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», в котором наиболее последовательно излагается марксистская точка зрения по данному вопросу. Марксизм, отвергая теологическую интерпретацию истории и отдавая предпочтение материалистическому детерминизму, тем не менее, разделяет с гегелевской объективно-идеалистической философией представление о существовании объективных и неизменных исторических законов. В рамках данной парадигмы роль личности в историческом процессе, согласно Марксу, Энгельсу и их последователям, представляется незначительной. Плеханов утверждал, что исторический процесс предопределен, и личность способна лишь оказывать незначительное влияние на скорость его развития, ускоряя или замедляя неизбежное наступление событий. Ключевым положением его концепции является тезис о заменяемости личностей: в случае отсутствия конкретного индивида его историческая миссия будет выполнена другим человеком, подготовленным для этого объективными условиями. Данный тезис свидетельствует о маргинализации роли личности в рамках марксистской историографической парадигмы.

Фундаментальным недостатком рассматриваемого подхода является его опора на концепцию существования неизбежных и универсальных исторических законов, что не соответствует эмпирическим данным. Историческая реальность характеризуется тем, что различные общества выполняют разнообразные функциональные роли в рамках глобальной системы, определяемые, в том числе, политическими решениями и действиями конкретных политических акторов. Промедление с проведением необходимых реформ со стороны правительства может привести к ослаблению государства и утрате им суверенитета. Важным недостатком марксистского подхода является недооценка активной роли личности в

историческом процессе. Марксисты не учитывали, что личность, действуя в рамках определенных обстоятельств, при наличии благоприятных условий способна в определенной степени формировать эти обстоятельства в соответствии со своими ценностями и мировоззрением. Примером тому может служить Октябрьская революция в России, которая представляется маловероятной без совпадения ряда факторов и значительной роли Ленина, а также, в определенной степени, Троцкого, чья деятельность оказала существенное влияние на ход и исход революционных событий.

Также, следует отметить, что в советский период наиболее отчетливо можно наблюдать тенденцию к акцентированию внимания на роль в истории конкретных исторических личностей, исходя из целей политики партии. Примером тому может являться съемка кинофильмов, посвященных Александру Невскому и А.В. Суворову (с целью актуализации в памяти населения борьбы с иноземными захватчиками и доблести русского оружия), создание кинофильма про Ивана Грозного, создание Е.В. Тарле биографии Наполеона I (с целью оправдания репрессивной политики и тираничного, единоличного правления). Приведенные примеры очень интересны, так как они ярко показывают то, как влияние личности на историю можно использовать в личных целях государства.

Отдельного внимания заслуживает возникновение в XX в. пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилёва (1912-1992 гг.). Взгляды Льва Николаевича в свое время поразили научное сообщество и вызывают жаркие споры вплоть до наших дней. Центральное место в ней занимает теория наличия пассионарных толчков, вызванных влиянием вселенной, Солнца и космических лучей. Данная энергия, попадая на Землю, способствует появлению выдающихся личностей, которые, в свою очередь, влияют на ход истории. Пассионарные личности – это люди, которые совершают поступки, ломающие инерцию и традиции и дающие толчок к созданию новых этносов. Таким образом, появление данной теории как нельзя лучше показывает наличие альтернативных версий степени влияния личности конкретных людей на исторический процесс. В пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, выдающаяся личность, её поступки и поведение, занимает одно из ключевых и центральных мест.

На современном этапе можно выделить несколько тенденций, подходов к изучению, пониманию феномена личности в истории. Прежде всего, это развитие междисциплинарного направления к пониманию истории. Феномен личности рассматривается с позиций совершенно разных гуманитарных наук: социологии, культурологии, философии, психологии и др. Каждая из них делает акцент на определенной стороне той или иной личности: её положении и влиянии на социум, отражении в культуре, психологическом устройстве и т.д. Преимущество данного подхода состоит в том, что он позволяет более объективно подойти к изучению личности и изучить различные её аспекты, отражение в истории людей.

В наши дни также получил развитие феноменологический подход к пониманию феномена личности, возникший еще в начале XX в. Данный подход является по большей части философской концепцией, так как делает акцент на процессе осознания человека самого себя – как он воспринимает мир, интерпретирует те или иные события, получает опыт и использует его в дальнейшем. Феноменологический подход не стремится к объективности, наоборот, он подчеркивает уникальность каждой субъективной оценки, признает, что у каждого человека свое понимание действительности. В центре внимания данного подхода находятся чувства и эмоции людей, их переживания, что, безусловно, помогает исследователям лучше понимать и интерпретировать человеческий опыт, способствует развитию эмпатии, самосознания и понимания других людей.

Начиная со второй половины XX в. и вплоть до наших дней получило развитие изучение истории повседневности. Данная дисциплина является очень многогранной, так как повседневность присутствует практически во всех сферах нашей жизни и затрагивает: жилище, питание, досуг и т.д. В центре такой истории также находится человек, но в отличии от теории Л.Н. Гумилева – человек обычный,

среднестатистический, не вершащий судьбы людей и этносов. История повседневности делает акцент не только на материальной составляющей, окружающей человека, но и уделяет внимание изучению его эмоциональных реакций и переживаний, взаимоотношений с другими людьми, потребностей, что немного сближает её с психологией. Данный подход является очень популярным в наше время, не только потому, что имеет практически неисчерпаемый источник материалов по совершенно любой сфере повседневности человека, но и потому, что впервые за долгое время исследовательский акцент смещается с изучения личности выдающейся, влиятельной (политики, военные, деятели культуры и искусства), на личность среднестатистическую и ничем не выдающуюся из общей массы людей, что несмотря на это, делает её не менее привлекательной для изучения.

Также, отдельно стоит выделить отношение к феномену личности в рамках теории когнитивной истории О.М. Медушевской. Один из аспектов данной теории – это попытка реконструировать историческое прошлое с помощью изучения исторических источников, созданных конкретными историческими личностями, понимание их психологии и поведенческих закономерностей. Человек, живущий в конкретной исторической эпохе, испытывает на себе её влияние, что неизбежно отражается на его поведении и психике. Создавая какой-либо интеллектуальный продукт, который в дальнейшем станет для историков источником, он неосознанно зафиксирует, отразит в нем особенности своего времени и эмоционально-психологические особенности людей прошлого, представителем которого он и является. Данный подход является не только интересным при более глубоком его изучении, но и перспективным для применения в дальнейших исследованиях, так как позволяет по-другому взглянуть на уже изученные исторические источники.

В наши дни одним из направлений в изучении феномена личности является поиск серединного пути в понимании её влияния на исторический процесс. Исследователи, придерживающиеся данного подхода, не отрицают влияние на исторические события как какой-то конкретной личности, так и группы людей, народных масс. В их понимании, оба данных фактора могут вносить определенный, решающий вклад в ход истории. Современные ученые во многом отходят от марксистской, «фаталистической» концепции понимания исторического процесса, воздавая должное влиянию и роли конкретных исторических деятелей.

Таким образом, как можно заметить, исходя из приведенных примеров, самые различные люди, своими поступками, идеями, могут оказать огромное влияние на ход истории и навсегда попасть в нее. В наши дни, изучение влияния различных личностей на исторический процесс является востребованной и интересной темой как для любителей истории, так и для профессиональных историков, журналистов, режиссеров фильмов и т.д. Каждый год мы отмечаем памятные даты, юбилеи или годовщины смерти людей, внесших значительный вклад в наше прошлое и настоящее. Например, 22 марта 2023 г., учитывая значительный вклад В.П. Астафьева в развитие отечественной литературы, В.В. Путин подписал указ о праздновании 100-летия со дня рождения писателя на уровне всех субъектов Российской Федерации. В связи с этим во многих городах России, начиная с 2024 г. проводились памятные вечера, творческие встречи, литературные конкурсы, фестивали и выставки, посвященные памяти писателя. Но до сих пор для историков остаются неизученными вопросы: какую роль сыграла личность писателя в истории города и края, как его деятельность оказала влияние на то, каким он запомнился красноярцам и т.д. Таким образом, исследование феномена роли личности в истории на примере изучения биографии красноярского писателя В.П. Астафьева является не только социально-актуальной, но и перспективной темой для будущих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлёва, А.М., Кильдеева В.Р. Роль личности в истории: анализ философских концепций // Экономика и социум. – 2017 – №5 (36). – С. 228-232.

2. Вольтер, История Российской империи при Петре Великом / Вольтер. – Москва: «Нестор-История», 2022. – 376 с.

3. Гумилев, Л.Н. Passionarium. Теория пассионарности и этногенеза / Л.Н. Гумилев. – Москва: «АСТ», 2016. – 936 с.

4. Костомаров, Н.И. Черниговка. Исторические портреты / Н.И. Костомаров. – Санкт-Петербург: «Фолио», 2012. – 326 с.

5. Ключевский, В.О. Исторические портреты / В.О. Ключевский. – Москва: «Эксмо», 2024. – 544 с.

6. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва: «Азбука», 2023. – 448 с.

7. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – Москва: «РГГУ», 2008. – 358 с.

8. Плеханов, Г.В. Наши разногласия. К вопросу о роли личности в истории. Основные вопросы марксизма / Г.В. Плеханов. – Москва: «АСТ», 2023. – 512 с.

9. Тарле, Е.В. Наполеон / Е.В. Тарле. – Москва: «Директмедиа Паблишинг», 2022. – 440 с.

10. Указ Президента Российской Федерации №182. О праздновании 100-летия со дня рождения В.П. Астафьева. – Москва: Кремль. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303220004 (дата обращения: 23.10.2023 г.)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

АРХЕТИПЫ И ФРЕЙМЫ КУЛЬТУРЫ В ТЕЛЕСЕРИАЛЕ «ТВИН ПИКС»: ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ТОПОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Дударева Марианна Андреевна
Д-р культурологии, д-р филол. наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
SPIN-код: 5362-0507

Черкашина Елена Леонидовна
Кандидат филол. наук,
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева
SPIN-код: 8029-1380

Абдуллоев Руслан Нуруллоевич
Студент Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Статья посвящена изучению функционирования архетипов, фреймов мировой элитарной художественной и массовой культуры в известном американском телесериале Д. Линча «Твин Пикс». Этот сериал уже более 30 лет привлекает внимание зрителей и исследователей. В России он также оказался в центре исследовательского внимания. Филологи изучают интертекстуальность данного сериала. Однако авторов данной статьи привлекает проявление архетипических образов в киноновелле, функционирование разных фреймов культуры. Важен герменевтический взгляд русских исследователей на инонациональное искусство, который позволяет с помощью типологического метода увидеть некоторые общие места в принципиально разных национальных образах мира. Результаты исследования могут быть интересны филологам и культурологам, исследующим массовую культуру и ее взаимодействие с элитарной художественной культурой.

Ключевые слова: экранное искусство, «Твин Пикс», архетип, топос леса, русская культурная традиция, глобализация, апофатика, метафизика, фрейм.

ARCHETYPES AND FRAMES OF CULTURE IN THE TV SERIES "TWIN PEAKS": THE EXPERIENCE OF RUSSIAN PERCEPTION OF THE TOPOGRAPHY OF THE WORK

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philological Sciences,
National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky,
Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art),
SPIN-code 5362-0507

Cherkashina Elena Leonidovna
candidate of philological sciences,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
SPIN-code: 8029-1380

Abdulloev Ruslan Nurulloevich
student of the Institute of Slavic Culture of the Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art)

The article is devoted to the study of the functioning of archetypes, frames of the world elite artistic and mass culture in the famous American television series by D. Lynch "Twin Peaks". This series has attracted the attention of viewers and researchers for more than 30 years. In Russia, it has also been in the center of research attention. Philologists study the intertextuality of this series. However, the authors of this article are attracted by the manifestation of archetypal images in the film novel, the functioning of different cultural frames. The hermeneutic view of Russian researchers on foreign art is important, which allows us to see some common places in fundamentally different national images of the world using the typological method. The results of the study may be of interest to philologists and cultural scientists studying mass culture and its interaction with elite artistic culture.

Keywords: screen art, "Twin Peaks", archetype, topos of the forest, Russian cultural tradition, globalization, apophatics, metaphysics, frame.

*****

В условиях социальной энтропии, вызванной недавней эпидемией, распространением коронавирусной инфекции, непрекращающимися военными действиями, широкой культурной экспансией, в первую очередь американской киноэкспансией [1], современному человеку в нашей стране, особенно молодежи, необходимо вернуться к традиционным национальным культурным ценностям, разработать «дорожную карту» в сфере кино и литературы. Однако мы понимаем, что в контексте тотальной глобализации и цифровизации человек не защищен от негативного влияния чужой культуры, а значит, с нашей молодежью необходимо разговаривать, погружая ее представителей в пространство большого диалога разных культур, показывая работу разных культурологических априори (понятие культуролога и филолога Г. Д. Гачева). Авторы статьи провели социальный опрос и анкетирование в своих университетах по месту работы, направленные на выявление киноприоритетов современного студента. В значительной части анкет фигурировал сериал «Твин Пикс», и в этой связи мы решили подробно рассмотреть с позиций онтогерменевтики это произведение.

«Твин Пикс» (Twin Peaks) – американский драматический телесериал, созданный режиссером Дэвидом Линчем, который, по мнению современных

исследователей, явил новую реальность в кино, новый сюрреализм [2, с. 68]. Премьера состоялась в США 8 апреля 1990 года, в России – в 1993 году. Действие происходит в вымышленном городке на северо-западе штата Вашингтон рядом с канадской границей. В 2007 году журнал Time включил сериал в список «Лучшие ТВ-шоу всех времен», а в 2019-м издание Rolling Stone признало «Твин Пикс» самым страшным сериалом в истории. Сюжет детально рассмотрен как в среде кинокритиков, так и в научной, но важными аспектами исследования сериала остаются изучение основных архетипов не только в контексте самого телевизионного шоу, но и в общекультурной парадигме, а также осмысление их функционирования в художественной массовой культуре, что позволяет показать молодежи лучшую сторону американской киноновеллы, углубиться в понимание ее сюжетики и уйти от поверхностного восприятия и негативного влияния образа жизни, репрезентируемого главными героями. Научная работа основывается на двух сезонах сериала (8 эпизодов в первом и 22 – во втором) и полнометражном фильме-предисловии (приквеле) «Твин Пикс: Сквозь огонь» (включаем и фанатскую версию со всеми вырезанными для официального проката кадрами). Третий сезон, снятый спустя 25 лет, в данной работе не рассматривается намеренно из-за выхода создателями за пределы канона сериала и вероятности нового прочтения изначальных идей самими авторами спустя четверть века. Влияние финальных 18 эпизодов на трактовку всего произведения стоит рассмотреть в отдельной статье.

Обратимся к топографии произведения. Топос (место) в художественной культуре архетипически заряжен, встроен в систему бинарных оппозиций: «верх» и «низ», «право» и «лево», «небо» и «земля», «добро» и «зло» (все эти «полюса» отечественный филолог Вяч. Иванов обозначил как «чет» и «нечет»). В этом отношении показательна традиционная культура, фольклор, в котором ученые отмечают наличие потенциально опасных топосов (край леса и поля, обрыв, берег, болото, овраг и т. д.), связанных с иномиром, то есть «тем светом». Эти места наделены качеством «оборотности», они двуплановы, и отсюда «вытекает возможность внезапной “оборачиваемости” окружающего, проявление в нем по-ту-стороннего – относящегося к “той”, “обратной” стороне действительности…» [3]. Городской лес – таинственное место, которое манит и страшит одновременно как героев, так и зрителя. Лес в мировой культуре – закрытое и густо заслоняющее обзор пространство, в котором не знаешь, чего ожидать. Лес потенциален, *меонален*. На последнее указывают современные отечественные культурологи В. П. Океанский (монография «Человек и тотальность»), В. В. Бибихин (цикл лекций 1990-х годов «Лес», прочитанный в МГУ им. М. В. Ломоносова), М. А. Дударева (цикл статей об апофатичности степи в русской художественной культуре), которые размышляют об апофатичности и меональности русского пространства равнины и леса, встроенного в один онтологический ряд с большими языковыми гнездами «дождь», «поле», «дом» [4; 5; 6]. Под меоном понимаем становящееся бытие. Например, в известной повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» лес – антоним дома, внешнее и опасное пространство по отношению к мирному жилищу; мифологическое иное царство, от которого стараются максимально оградиться. С топосом леса в американском сериале связан образ *женщины с поленом*, которое становится одушевленным в ее руках, уподобляется ребенку. Таким образом, она живет с частичкой леса, умеет с ним контактировать, таким образом получает информацию, которая недоступна другим. Она кажется сумасшедшей на первый взгляд, но по ходу разворачивания истории к ней начинают прислушиваться герои фильма. Лес в сериале «Твин Пикс» – переходное пространство, место для инициаций героев.

В целом *перспектива видения* зрителем персонажей выглядит примерно так: адекватность – странность – неадекватность – принятие иного (Другого). Первой стадии может и не быть. В этом смысле каждому герою повезло в онтологическом смысле, что не один он выделяется, а странные, иные тут все. Например, в фильме «Ван Гог. На пороге вечности» (режиссер Джулиан Шнабель) в поведении великого художника однозначно наблюдаются проявления психического заболевания, однако

это не должно влиять на восприятие его картин. «Твин Пикс» же позволяет нам соприкоснуться с дорациональным, благодаря этому принятие иного (в значении Другого) происходит как у зрителя, так и у самих персонажей. А сакральную недоступную для рационального познания реальность в искусстве можно понять только апофатически, дорационально [7, с. 71].

Продолжая выстраивать герменевтическую реконструкцию топосов в киноновелле, обратим внимание на Красную комнату – лиминальное пространство (лиминальность, вслед за В. Тэрнером, понимаем как состояние между мирами, *живым* и *мертвым* [8, с. 169]), представляющее сеть бесконечных коридоров с багровыми шторами и дуальным черно-белым полом. Попасть сюда можно через портал в лесу или после смерти (в этом случае еще раз укажем на *потенциальность* леса). В условиях пороговой ситуации проявляются и положительные, и отрицательные качества персонажей, а также неожиданно высвечиваются режиссером положительные моменты в жизни героев: агент Дейл Купер встречает здесь своего доппельгангера (двойника), покойницу Лору Палмер, Великана, являвшегося для важных советов, и других. Нельзя однозначно охарактеризовать явления или действующих лиц в Красной комнате с рациональной точки зрения, слова «хранителей» комнаты произносятся наоборот, речь состоит из повторяющихся загадок и недомолвок, что делает ее фольклорной, сближает с языком «дема», то есть языком мертвых, предков. Купер попадает туда еще до физического путешествия, а именно во сне. Стоит отметить, что на большое значение онейрических элементов в сериале исследователи уже обращали внимание и связывали это с влиянием гофмановской традиции на режиссера [2]. Герою привиделась Лора Палмер, нашептавшая имя убийцы, которое Дейл не запомнил. Сцена повторяется после попадания агента в Комнату через портал в лесу, где имя убийцы слышится уже четко. В этом контексте важно философское отступление, рассуждение о природе снов и их реальности, что зрителя также приобщает к метафизике пространства. Здесь важным для зрителя должно быть то, что лес – не только место «распада» личности, где Лора и Бобби убивают посыльного из-за кокаина, где Лора испытывает страх после сделанного, но и место инициации, выхода за пределы данного, видимого.

Тот самый портал в лесу, ведущий в Красную комнату, позволит попасть еще в два пространства – Белый и Черный вигвамы. Красная комната здесь может рассматриваться не только как болезненная фантазия героини, употребляющей кокаин, замученной внутренними страхами из-за девиантного поведения отца, на символическом языке она воспринимается как чистилище, дверь для входа в тот или иной вигвам, лиминальное место ожидания и одновременно все-таки как нечто отдельное. Из вигвамов можно попасть в физический мир, на теле человека при возвращении оказывается отметина, что должно заставить нас задуматься о соотнесенности двух типов пространства, физического и метафизического.

Внутренняя архитектоника этих потаенных мест может быть семиотически воспринята так: Белый вигвам уподобляется раю, и вход туда открывается только через любовь, Черный вигвам ассоциируется с адом, и вход туда открывается через страх, а между ними функции моста, коридора ожидания выполняет Красная комната. Кстати, она же нарисована и на картине, которая висит в комнате Лоры и периодически оживает, приходит в движение (здесь следует поставить вопрос об экфрасисе). Что же объединяет эти пространства? По мнению современного исследователя М. Е. Бойко, гармонбозия является главным «персонажем» в сериале [9, с. 190]. Обитатели «потаенных» пространств, в частности Черного вигвама, питаются этим веществом. В Красной комнате гармонбозия также фигурирует и проявляется как кровь, а в Черном вигваме ее физическим воплощением выступает кукурузная каша. Гармонбозия ассоциируется с амброзией, только с обратным коррелятом, но боль и печаль должны трансформироваться в душе героя в любовь и гармонию с миром, которые позволят попасть в Белый вигвам. И в этом художественном контексте гармонбозия воспринимается как фрейм культуры (ряд представлений о мире, который присущ многим носителям культуры), а активация

этого фрейма происходит в плане реципиента: «Активизация фреймов при восприятии, и главное – при понимании, произведения может осуществляться как самим текстом, так и реципиентом» [10, с. 154]. Мы угадываем в гармонбозии антиамброзию, чувствуем культурологически наполнение этого вещества (пищи) танатологическими коннотациями.

Таким образом, несмотря на изученность культового фильма Д. Линча «Твин Пикс», произведение остается перспективным в плане исследования культурфилософского потенциала, связанного не с эстетикой распада и кризиса личности, а с функционированием в нем архетипических структур и фреймов культуры. Исследовательская задача на данном этапе выполнена – произведен герменевтический анализ топографии киноновеллы, которая потенциальна по своей природе и связана не только с физическим, но и с метафизическим миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полуэхтова, И. А. Американское кино как средство культурной экспансии: дис. … канд. социол. наук. – М., 1993. – 163 с.
2. Королева, В. В., Притомская, А. Р. Гофмановские традиции в сериале Дэвида Линча «Твин Пикс» // Вестник ВГИК. – 2024. – № 4 (62). – С. 67–80.
3. Неклюдов, С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm (дата обращения: 07.01.2025).
4. Бибихин, В. В. Лес. – СПб.: Наука, 2011. – 425 с.
5. *Дударева, М. А., Арипова,* Д. А. Лексико-семантическое поле «дождь» в поэзии Валерия Дударева: лингвокультурологический анализ // *Казанская наука.* – 2024. – № 1. – С. 72–74.
6. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. – Иваново: ШГПУ, 2010. – 358 с.
7. *Дударева, М. А., Арипова,* Д. А., *Никитина, В. В.* Поэзия в цифровую эпоху. В художественном мире Валерия Дударева. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 116 с.
8. Тэрнер, В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
9. Бойко, М. Е. Структурный анализ характеров экранных персонажей (на материале сериала «Твин Пикс») // Наука телевидения. – 2013. – Т. 10. – С. 186–201.
10. Юдаева, О. В. Фольклорные фреймы и их языковая репрезентация в лирических стихотворениях В. С. Высоцкого // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8 (50). – Ч. 5. – С. 154–157.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Выход в свет 31.03. 2025г., объем 8.47 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 012-25/01.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >